Девочки мои

Автор:
Юлия Лавряшина

Девочки мои

Юлия Лавряшина

За чужими окнами

Три непростых женских судьбы связало в один узел искусство. Ангелина – талантливая актриса, променявшая жизнь на сцене на благополучный уют и тиранию нелюбимого мужа. Сима – режиссер, она сумела создать театр, но не может справиться с собственными детьми, ради которых готова пожертвовать всем, даже любовью. Наташа – только-только получившая свою первую роль романтичная, чистая девочка, еще ничего не знающая о предательстве. Три женщины, три пути, и на каждом свои испытания. Предательство и ревность, ложь и кровь разъединяют и вновь соединяют эти судьбы.

Юлия Лавряшина

Девочки мои

© Лавряшина Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Они просто разминулись на улице – поравнялись и прошли каждая в свою сторону. Вернее, одна из них несла свое юное лицо навстречу ветру и не заметила другую. А Сима почему-то засмотрелась на девочку с пепельными волосами, не слишком длинными, не слишком густыми, но не вызывающими жалости, как обычно случается со всем, что «не слишком». Эти волосы были дымчатыми и клубились по ветру осенним дыханием, прозрачным и легким. Девочка шла, чуть приподняв тонкое личико – не из гордости (хотя ее тоже хоть отбавляй в четырнадцать лет), а чтобы и шею, тоненькую шейку ее тоже невинно ласкал ветер. И Сима своей уже не слишком, прямо скажем, младенческой кожей почувствовала ее наслаждение, от которого сердце так и заходится.

Мгновенно вспомнилось – даже не мозг подсказал, а тело, оказывается, сохранившее ощущения, – как она сама в свои подростковые «…надцать» стремилась использовать любую возможность, чтобы вот так же броситься бегом навстречу ветру, воображая, будто обретает волю вольную и может, как цыганка, скитаться по свету, который Симе хотелось увидеть весь, целиком, с самыми заброшенными уголочками, в которых есть своя прелесть, непонятная жителям столиц. Обойти его пешком, трогая нагретые, неровные камни мостовых, пересыпая из ладони в ладонь легкий песок, втягивая аромат картинно-красивых цветов скошенной травы. И все время чувствовать кожей морской ветер, так же подставлять ему лицо, чтобы сгладил первые морщины, освежил…

И это немного надуманное совпадение с девочкой заставило Симу выкрикнуть:

– Девушка, подождите!

Но девочка не оглянулась. Возможно, просто никто до сих пор не называл ее «девушкой», и она не сообразила, что обращаются к ней. А может быть, то, что сейчас нарастало, вскипало у нее внутри, обдавая волнением неокрепшее сердце, было настолько важнее всего внешнего – звуков, запахов, людских лиц, – что грех было и отвлекаться на них.

– Подождите же, девушка!

Рукав простенькой джинсовочки в первый момент показался пустым – такой тоненькой была ее ручка. Сима быстро разжала пальцы, как будто птенчика побоялась раздавить. В глазах девочки мелькнула настороженность: что это за странная женщина с прической из вороньих перьев, с маленькой татуировкой на левом предплечье, одетая в нечто напоминающее обычную мужскую майку черного цвета, заправленную в джинсы?

– Да?

– Извините, если я вас напугала, – заторопилась Сима, стараясь произносить слова с той невесомостью, которая должна была успокоить. – Я просто увидела ваше лицо и поняла, что именно вы мне нужны. Для роли. Я – режиссер молодежного театра «Версия». Это не любительский театр, но многие ребята из театральной студии у нас уже заняты в спектаклях. Вы были на наших спектаклях?

На загоревших за лето щеках вспыхнули пятна:

– Я… Я еще не успела. Мы недавно переехали в этот город.

– Серьезно? И откуда же? – Сима давно уже позволяла себе быть бесцеремонной, когда ее что-то действительно интересовало.

– Из Москвы.

Это прозвучало с некоторым вызовом, словно покинуть столицу уже значило объявить себя пораженцем, неудачником.

«В общем-то, так и есть, – наспех согласилась Сима. – Россия ведь страна одного города, и если ты хочешь настоящего успеха, то покорять нужно именно Москву».

Решив на время закрыть эту тему, чтобы девочка не сбежала прямо сейчас, она опять заговорила о спектакле, который еще только собиралась ставить, хотя вынашивала дольше, чем двух своих дочерей вместе взятых.

– Я нашла для нашего театра одну пьесу… Современную, и как раз о подростках. Там есть роли и для взрослых актеров, но главную должна исполнять девочка… девушка вашего возраста. Но никого из наших ребят я в этой роли не вижу.

– Я никогда не играла в театре…

– Я понимаю! И не собираюсь прямо сейчас выпускать вас на сцену. Но я предлагаю вам попробоваться. Как вы?

И заверила, не дожидаясь ответа:

– Если я увижу, что у вас ничего не выходит и нет ни малейшей надежды научить, то оставлю вас в покое, обещаю. Кстати, меня зовут Симой. Сима, – еще раз повторила она, чтобы девочка не переспрашивала, как это бывало обычно. – Довольно редкое имя – родители постарались. Зато меня ни с кем не путают. Только, умоляю, Серафимой не называйте, этого я не терплю! Отчество в нашем общении не потребуется, а фамилия моя Матроскин, – протянула Сима незабвенным голосом Табакова и тут же вернула свой, немного резкий, звонкий, словно невидимая птица выкрикивала за нее. – Шучу. Лобанова. Это чтобы вы могли проверить мое досье через своего папу-полицейского.

Взгляд девочки кольнул остро, улыбки как не бывало:

– С чего вы взяли, что мой папа – полицейский?

– Да это так – предположение! Вы такая строгая девушка… Все по правилам?

– Вовсе нет! В нашей семье не так уж много правил. А папа у меня доктор. Педиатр.

Ненужной заинтересованности Сима изображать не стала, спросила нетерпеливо:

– Так что, вы согласны попробоваться? Да как же вас зовут-то, в конце концов?!

– Наташа Лукьянцева, – произнесла она тем застенчивым тоном, каким в начале пьесы и должна была говорить ее героиня.

Сима так и вцепилась в ее рукав, уже не вспомнив про того беззащитного птенчика, что померещился внутри:

– Вот! Именно так! Наташенька, я ведь просто не отпущу вас. У вас ведь Гелин взгляд…

– Чей?

– Гели, героини, которую я вам сватаю. Это очень интересный персонаж. Надломленная судьбой, но не скисшая. И другим не дает сдаться. Вы очень похожи на нее, Наташа. И слова вы выговариваете в точности как она.

Чуть наклонив голову вправо («Гелин жест!»), Наташа спросила с любопытством:

– А откуда вы знаете, как она выговаривает слова? Там ремарка есть? Или это вы так представляете?

– О! – Сима даже отступила, пораженная. – Вам известно даже слово «ремарка»? Вы читаете пьесы?

– Если честно, только Чехова.

– Это уже немало. Может быть, бессознательно вы готовились к нашей встрече?

– Кто может знать, к чему готовит его подсознание?

«А непростая девочка, – отметила Сима с удовольствием. – Очень непростая».

Ей нравилось работать с личностями, колоться об их шипы, спорить с ними. Даже орать приходилось, а как же? Подростки же. Иногда необходимо напоминать им, кто в доме хозяин… Но с послушными детьми Симе становилось скучно. Они напоминали ей комнатные растения: польешь – выживут, не польешь – засохнут. Сами жизни не отвоюют. Не то что дикие колючие кустарники, которые на любом, самом немыслимом склоне зацепятся, вопьются корнями, отыщут необходимые им соки в самой песчаной почве, и выживут, выживут…

– И об этом мы тоже поговорим подробнее, – промурлыкала Сима, жмурясь от радости: нашла Гелю, на улице встретила, надо же! – Когда вы сможете к нам прийти? Чем вы вообще занимаетесь, кроме того, что читаете Чехова?

Опять проявились горячие пятна на щеках:

– Вообще-то я его не так уж часто читаю… Я все больше в Сети…

– Ну, это нормально. Сейчас все девочки, как Русалочки – сетью опутанные. Ножки не болят?

Облегчение сделало Наташин смех особенно легким:

– Нет, ходить-то я еще не разучилась!

– Сейчас домой?

– Уроки надо сделать…

– А потом? У нас в шесть репетиция. Приходите, Геля… То есть Наташа. Видите? Вы для меня уже Геля! Так что не отвертеться вам, девушка… Вот вам моя визитка, там есть адрес. Это недалеко. В нашем городе понятие «далеко» вообще отсутствует.

– Я уже поняла. – Наташа опустила глаза на карточку. – Я даже знаю, где эта улица, там одна девочка из нашего класса живет.

– Ну и прекрасно. Погодите! У меня же диск с текстом пьесы с собой есть. – Сима чуть не с головой нырнула в объемистую сумку, забитую всякой всячиной, которая могла понадобиться в любую секунду. – Держите. Уроки, конечно, надо сделать, но, может, и на пьесу времени хватит?

Она уже собралась бежать, переключившись мыслями на других актеров, мальчишек, которых нужно было вытащить из лап полицейского инспектора («Окно разбили, подумаешь! Ну, спьяну… С кем не бывает в пятнадцать-то лет?»), когда Наташа окликнула ее:

– Сима, а вы можете говорить мне «ты»? Пожалуйста. А то очень непривычно.

* * *

Девочка придет на репетицию, в этом Сима даже не сомневалась. Настолько не сомневалась, что тут же забыла о Наташе Лукьянцевой, как об уже взятой вершине, не такой уж и поднебесной, если говорить начистоту. Еще неизвестно, как покажет себя это создание, что за тайное сокровище принесет в своей душе… Пустышки, обманки уже встречались не раз, и потому Сима каждый раз ругала себя последними словами, которых знала достаточно, за то, что опять вцепилась в кого-то на улице, мимолетно влюбившись во взгляд, в поворот головы, в намек улыбки. А не возникнет тайной связи режиссер – актер на уровне биения сердца и рождения мысли, и ничего не будет – ни спектакля, ни слез в зале, ни смеха. Поэтому совершенно запретить себе впускать в душу искры, высекаемые соприкосновением взглядов, Сима не могла. Это было равносильно самоубийству себя как профессионала. Что осталось бы в ней тогда? Одиночество одинокой одиночки. Вакуум.

Замедлив шаг возле столиков летнего кафе, которые еще не убрали, потому что весь сентябрь был настоящим бабьим летом, Сима посомневалась не дольше трех секунд, взглянула на часы: «Успеваю!» – и присела за свободный. Лицом к реке села, чтобы чувствовать тот оживляющий ветер, который ловила Наташа Лукьянцева. Но Сима это сделала, не вспомнив о девочке, как будто инстинктивно переняла понравившееся. К тому же это напоминало ее саму, двадцатилетней давности… Лучше ли она была тогда? Цинизма в ней не было, это помнится. Хотя и поросячьей восторженности вроде бы тоже. Достаточно здравомыслящая была девочка… Глупее была, это наверняка. Трусливее. Даже подумать не решалась всерьез, что можно стать режиссером театра, хоть и маленького и в глуши, но все же… Их «Версия» не совсем безвестна, Сима уже лет пять вывозит свою труппу на фестивали, их даже хвалят в прессе и дают дипломы. Это радует, конечно, особенно ребят. Вот только не получается отделаться от липкого ощущения, что ты всего лишь наложница из гарема, которую на четверть часа удостоили всемилостивейшего внимания, чтобы потом забыть еще на год…

– Кофе, пожалуйста, – сказала она подошедшей официантке, откровенно новенькой, изо всех сил старающейся каждой улыбкой.

– Вам какой? – Перед Симой возникло меню – узкая длинная картонка. – У нас, видите, сколько всего!

«Господи, она и двух дней здесь не продержится. – Сима удержала вздох и послушно ткнула пальцем напротив самой высокой цены, чтобы порадовать бедняжку напоследок. – Или они все тут ведут себя как начинающие купчики, слегка ошалевшие от первых денег?»

В памяти неожиданно возник слепок разлапистых лосиных рогов, висевших в передней бабушкиной квартиры. Почему вдруг вспомнились эти рога? Официантка слишком похожа на туповатую, хотя и безобидную коровку, которая наслаждается сочной травкой и не подозревает, что скоро отправится на бойню? Но рога-то не коровьи были. Признак дореволюционной роскоши – так их воспринимала маленькая Сима. На лосиных рогах висели плащи, и она воображала, что в полумраке этого уголка таятся картины прошлой жизни. Той, которую даже ее бабушка, родившаяся в семнадцатом, не застала. Так явственно шуршали шелка, обдавая грустными запахами, кто-то требовал нетерпеливо: «Будь любезен, мою крылатку!» – и даже дети повизгивали как-то особенно…

Сима усмехнулась, затянувшись сигаретой. Какой дурехой была, боже мой… Сейчас меха и кринолины ее сердце не трогали, исторических, костюмных пьес их театр не из бедности не ставил, а потому, что Симе был интересен сегодняшний день. И та пьеса, которой она болела сейчас, была о ребятах, практически живших в ее театре. По крайней мере, многие узнали в героях себя, и Сима надеялась, что и Наташа увидит в Геле свое отражение. Тоже ведь девочка себе на уме.

«Что за семья у нее? – получив наконец свой кофе, попыталась представить Сима. – Коммерсанты-лохи, сбежавшие от кредиторов? Что еще, кроме пистолета у виска, может заставить человека уехать из Москвы? Мне бы только перебраться туда… Надо бы по-быстрому навести справки об этих Лукьянцевых… Хотя – зачем? Девочка-то хороша вне зависимости от мамы-папы. Если еще и осилит сцену…»

– Кофе совершенно дрянной, – пробормотала она, подавив желание выкрикнуть это так, чтобы услышали на кухне.

И чуть не подавилась, заметив знакомый взгляд поверх опущенного стекла.

– Ну, выходи уж! – сказала Сима резко. – Оставь своего драгоценного «мерина» попастись.

Окно в светлом «Мерседесе» закрылось, но следом распахнулась дверь, выпустив стройную ножку.

«Насмотрелись американского дерьма, – отметила Сима мрачно. – Научились выходить красиво. А на то, что Голливуд методично четвертует искусство, всем плевать! Таким, как она, – плевать».

– Здравствуй, Сима!

Ангелина только что по струнке перед ней не вытянулась, даже присесть без разрешения не решалась. Короткое узкое платье кремового цвета, «лодочки» ему в тон, узкие, «хищные» солнцезащитные очки, которые Ангелина уже сняла и вертела в руке… Все очень стильно и ей идет. Позволив взгляду медленно проползти снизу вверх, Сима вынужденно признала, что девочка все так же хороша, как и в те дни, когда на нее смотрели из зрительного зала, – изящная, гибкая, да еще и дорого выглядит.

«Рано продалась, зато за хорошие деньги», – она не произнесла этого вслух. Не требовалось. Ангелина Полтавцева всегда улавливала любую ее мысль. Самая восприимчивая из ее актрис. Самая талантливая. Ее могло ожидать блестящее будущее… Но она захотела все быстро и сразу.

– Садись. – Сима толкнула ногой стул, Ангелина успела поймать. – Как это ты оказалась среди нас, смертных?

– Думаешь, я больше не хожу по улицам?

Едва не поморщившись, Сима в который раз пожалела о том, как сглупила однажды, позволив этой девочке обращаться к ней на «ты». Тогда Ангелина была затюканным чересчур уж религиозными родителями, а еще больше бабушкой, ребенком. Ей необходим был взрослый, которого она приняла бы как родного человека. И Сима от безысходности, одурманенная жаждой вновь

обрести все радости материнства, распахнула ей объятья. Ангелина же невероятно быстро расправила свои слабые крылышки…

– Честно? – Сима поймала лицом новый порыв ветра, чтобы напитаться его куражом. – Я вообще о тебе не думаю. У меня в голове только мой театр, ты же знаешь.

– Я знаю.

– Тебя в нем больше нет.

– Ты же в курсе, Вахтанг поставил условие…

– Только, ради бога, не надо оправдываться! Ты все это мне уже объясняла…

– И ты тоже поставила условие… Чтобы я больше никогда не появлялась в театре.

– Надо было сказать, чтоб ты никогда не показывалась мне на глаза…

– Но почему? – Ангелина подалась вперед, навалилась заметно увеличившейся грудью на столик. Симе показалось, будто раздался силиконовый скрип.

– Ты сделала свой выбор. Вот живи теперь и радуйся.

– Я могла бы уговорить Вахтанга спонсировать…

Сима резко отодвинула опустевшую чашку:

– Вот только этого не надо! Я грязных денег не беру.

– Да что ты? – Ангелина откинулась на спинку стула, мгновенно скопировав ее же манеру язвить. – С каких это пор? Ты же всегда твердила, что ради своего театра на любой компромисс готова пойти!

«А вот теперь улыбнуться и ответить абсолютно спокойно!»

– Так и есть. Но речь все-таки шла об отношениях с богатыми людьми…

– В смысле? – Теребившие край меню пальцы замерли.

– А не с обезьянами-воришками. Ты при дневном свете своего Вахтанга видела? Или он тебя только в темноте…

– Перестань! – Ангелина выкрикнула это с отчаянием Герды, роль которой лет пять назад стала для нее первой, но, видимо, не запала в душу, не убедила, что от холода и одиночества может спасти только любовь.

Не поясняя, Сима пробормотала:

– Теперь пытаешься сыграть Кая?

Пунцовые губы дернулись, искривились, будто кто-то смял цветок. Сима не без злорадства отметила: девочка сразу поняла, о чем речь. А может, и сама об этом думала, ежась в ледяном дворце мандаринового магната.

– Оно того стоило? – Сима посмотрела поверх ее плеча на «Мерседес». – Машинка, конечно, хороша, ничего не скажешь. Ты о ней думаешь, когда он возится на тебе?

– Сима! Не надо так…

– А о чем нам тогда разговаривать?

В прозрачных озерных глазах, сохранивших, как ни странно, наивное выражение, робость:

– Расскажи мне, что вы сейчас ставите?

– Пьесу Потапова.

Ангелина отпрянула:

– Какую? Ту самую? «Что такое палисадник?»

– Еще помнишь?

– А кто играет Гелю? Это же я должна была сыграть ее! Я уже всю роль выучила. Да я даже не учила ее, она просто вошла в меня, как… Не знаю, как что. Как будто я вдохнула эту Гелю, и она поселилась во мне.

Сима безжалостно проронила:

– Я нашла девочку на эту роль.

– Что за девочка?

– Новенькая, ты ее не знаешь. А свои претензии оставь, пожалуйста. Ты больше не в труппе, так что не закатывай истерик.

– Но ты же говорила, что я просто создана для этой роли!

– Была. Опомнитесь, девушка, вам уже сколько? Восемнадцать? А Геле – пятнадцать. Старовата ты, мать, для этой роли.

Волосы у Ангелины были такими густыми – пробор не просвечивал. Этот цвет называют темно-русым, у Наташи Лукьянцевой такой же, хотя у той, конечно, жиденькие в сравнении… Сима подумала с беспокойством: «Главное, чтоб она сама не показалась жидковатой в сравнении с этой… Ангелина чудно сыграла бы Гелю. Она и была этой Гелей. Только финал для своей пьесы другой выбрала».

Затягивая паузу, Сима смотрела на ее опущенную голову, прекрасно понимая, что сейчас творится в душе девочки, но ничуть не жалея ее. Продалась дьяволу, учись терпеть, как душу рвут демоны. Безнаказанно такие сделки не проходят. Она ведь понимала это. Любой дурак понимает.

– Мне пора, – сказала она, так и не выразив сочувствия. Ангелина же догадывалась, что его не было, к чему играть? Они слишком хорошо знают друг друга, чтобы попасться на притворство.

Забавляясь, ветер забросил волосы на лицо, и Симе на миг показалось, будто девушку опутала паутина, держит ее, душит, залепив и ноздри, и рот, и глаза – во внезапной слепоте тоже нехватка воздуха. Ангелина ловко собрала волосы обеими руками, обнажив свое удивительное лицо – смотреть бы часами.

– Действительно пора или просто я тебе надоела? Я могу уехать. Может, тебя подвезти?

– Не смешно.

– Я и не пыталась…

– Прощай. – Сима встала первой и сунула деньги под блюдце. – Я тебе зла не желаю, что бы ты про меня ни думала. Твой выбор, тебе с ним и жить. Но и видеть тебя больше не хочу. Это уже мой выбор.

– Ты не можешь запретить мне прийти на спектакль!

Сима рассмеялась, едва сдержав желание ударить ее:

– А тебе непременно нужно разбередить свои язвы до крайности? Мученица ты наша… Сиди себе лучше в своем дворце и выкладывай слово «вечность». Наш театр, если помнишь, называется «Версия», а в твоей жизни никаких версий быть не может.

– Не говори так!

– Разве я сказала что-то неожиданное?

Изо всех сил удерживая улыбку, Сима кивнула и быстро прошла между столиками к выходу. Ангелина могла и не смотреть ей вслед, но на всякий случай лучше было держать спину до первого поворота.

Забежав за угол, она привалилась к стене, даже не подумав, что может испачкаться. Ей было тяжело дышать.

* * *

Опять отдалось пульсацией в крови: «Так писем не ждут, так ждут письма…» Эта строчка цветаевская всплывала в памяти всякий раз, когда Наташа проверяла электронную почту. Что было у Марины дальше – она не помнила, и не пыталась найти стихи в сборнике, стоявшем на полке перед учебниками. Некоторые строки способны на отдельную жизнь.

«Здравствуйте, Ната! У вас нет новых писем», – бодро возвестил компьютер, и колотившаяся в груди радость предвкушения замерла, обернулась обычным ритмом. Не написал таинственный Барон, не удостоил сегодня…

Стараясь удерживаться на грани благоразумия, Наташа Лукьянцева внушала себе, что знакомство в Сети никого ни к чему не обязывает, и таких адресатов у Барона могут быть десятки, это она, дурочка, хранит верность ему, даже не виденному. Хотя, конечно, дело было не в ее преданности собственной фантазии и не в глупости, которая была не столь уж очевидна. Просто Наташе трудно было – да что там! – невозможно было представить, как можно довериться кому-то еще. И, главное, что кто-то другой сможет также прочувствовать боль каждой ссадины на ее душе, как умеет это тот, кто скрывается под вымышленным титулом.

Она пыталась понять его выбор: «Этот псевдоним – отзвук его внутреннего благородства. Он бессознательно присвоил себе титул, отвечающий его натуре».

Мысль о бессознательном напомнила о сегодняшней встрече с женщиной по имени Сима. Встрече немного странной, пугающей, интригующей. Какая девочка не мечтала, что ее прямо на улице заметит режиссер и пригласит… Правда, в мечтах речь всегда шла о кино, однако театр – даже более возвышенно. Воспетый полумрак кулис, где готовятся создать чудо, нарочитая неестественность загримированных лиц, на которые нужно смотреть только из зала, глухой голос Гамлета на сцене… Родители, наверное, будут довольны, в Москве они часто ходили в театр.

«А он? – Наташа взглянула на экран компьютера. – Как он отнесся бы к этому? Написать ему? Нет, он еще на последнее письмо не ответил… Пускай ответит! Нельзя быть навязчивой, мама сколько раз говорила, что не нужно пытаться всучить себя человеку, который этого не просит. Не буду. Может, он занят,

потому и не пишет. Я ведь даже не знаю, сколько ему лет… А может, вовремя не заплатил и его просто отключили от Сети. Не может ведь быть, чтобы он не вспомнил обо мне?!»

Не кольнуло – прошило насквозь. Наташа оттолкнулась ногами от стола, отъехала на своем вращающемся кресле, замерла на секунду, закинув руки за голову, потом вскочила. Углы большой комнаты съехались, стиснули пространство уродливым ромбом, о стороны которого не она билась плечами, коленями, они сами втыкались в нее, твердо, тупо. Ей захотелось закричать от ужаса: «Что происходит? Что такое со мной происходит?!» – но голоса не было, он тоже затерялся где-то между реальностями – той, в которой Наташа жила пять минут назад, и этой, будто созданной воображением Пикассо. Здесь все предметы имели неправильные формы, присваивали чужие цвета, и от этого абсурда мутилось в голове. Или все было с точностью до наоборот: от того, что мутилось в голове, все предметы…

Зацепившись за спинку кровати, Наташа рухнула прямо на застеленную покрывалом кровать, – ей до крайности необходимо было зацепиться за что-то устойчивое, не поддавшееся общему безумному перемещению, и кровать показалась самой надежной. Вжавшись лицом в пупырчатую шелковую поверхность, девочка пробормотала, пытаясь заглушить шум в ушах:

– Я ведь не влюблена в него… Как можно влюбиться в человека, которого даже не видела? Мне просто не с кем больше поговорить…

Наташа не играла сейчас, ей действительно казалось, что мир обезлюдел, оставив вокруг нее пустыню, в которой сгинули и родители, и брат с маленькой сестренкой, еще пару лет назад составлявшие особый, радужный мир семьи Лукьянцевых. Теперь же ей все чаще хотелось укрыться от них в своей комнате – там находился выход в ту виртуальную реальность, где обитал единственный, кто понимал ее с полуслова. Барон. Полуреальное существо, в котором для Наташи было жизни больше, чем в любом из тех, с кем ей приходилось сталкиваться за день.

Не ее первую застиг врасплох этот холод подросткового одиночества, все проходили этим же путем, но каждого ощущение изолированности застигало врасплох, сколько бы о нем ни писали и ни говорили. «Меня никто не понимает!» Для ребенка это становится неподдельной трагедией, ведь он даже не подозревает того, что ему предстоит вырасти с этим убеждением и пронести его

до смерти. «Меня никто не понимает», – может повторить за дочерью отец. Только он больше не произносит этого ни вслух, ни про себя, – зачем бороться с ветряными мельницами.

Некоторым не хватает сил признать эту бесполезность, примириться с реальностью человеческого существования, и тогда их дрожащие от страха и нетерпения пальцы извлекают из прозрачной бумажки тонкое лезвие или с хрустом выдавливают таблетки из приятного на ощупь стандарта – одну за другой, одну за другой…

Но природная жизнерадостность Наташи Лукьянцевой, унаследованная от матери, подсказала ей другое: почему бы действительно не отправиться на репетицию этого театра?.. Как там его? Может, это покажется ей забавным… И, когда Барон отзовется, ей будет чем удивить его. Возможно, даже поразить его воображение. Его скрытое от нее, таинственное воображение… Что там в нем?

Девочка села на постели: как же называется этот театр? «Вариант»? «Легенда»? Нет, все не то… Хмурясь от невозможности вспомнить, Наташа снова принялась расхаживать по комнате, только на этот раз углы мебели не бросались ей навстречу, не пытались поранить в кровь. Все оставалось на своих местах, а экран плоского монитора даже подмигивал «смайликом», призывая расслабиться и подумать о чем-нибудь другом, тогда само вспомнится.

Этот совет Наташа слышала довольно часто, но он ей почему-то не помогал. Она пыталась опробовать его в музыкальной школе, когда во время экзамена по специальности начисто забыла этюд. Наверное, как раз потому, что именно этюд играть было страшнее всего – техника у нее всегда хромала. И, стоя перед дверью зала, откуда вот-вот уже должна была выйти закончившая свое выступление ученица, Наташа принялась судорожно хвататься мыслями за всякую всячину, никак не связанную с музыкой: краской пахнет, мама сказала, что им нужно будет покрасить окна, когда начнутся каникулы, пластиковые-то никогда не вставят… Тогда они еще жили не в этом доме на Крутом – деревенском районе маленьких Березняков, а в двухкомнатной квартирке в Москве, которую Наташа вспоминала без сожаления: вечные суета, толкотня, гам… Но в тот момент, когда забылся и никак не желал восстанавливаться в памяти этюд Черни, мысли девочки почему-то уцепились именно за эту квартиру: дисгармония звуков, ее наполнявших, меньше всего напоминала музыку.

Но текст все равно не вспомнился. Почти теряя сознание, Наташа на ватных ногах дошла до рояля, слыша только глухой шум в собственных ушах, машинально поклонилась комиссии, села на вращающийся стульчик, который нужно было бы опустить после предыдущей девочки, и с отчаянным внутренним воплем: «Руки вспомнят!» опустила пальцы на клавиши.

Руки вспомнили, но не все. Получив тройку, Наташа долго бродила по закипающим весной московским улицам и мрачно размышляла о том, зачем нужно такой бездарности, как она, отнимать время у прекрасной учительницы, к которой ей повезло попасть? В сентябре Наташа на занятия не вышла. Учительница звонила ей и пыталась уговорить вернуться, не дурить, с кем не бывает – даже с великими пианистами такое случалось, все же люди… Но за лето Наташа уже настолько свыклась с отречением от музыки, что даже не пообещала подумать. К тому же родители подарили ей компьютер, а с клавиатурой иметь дело проще, чем с клавишами рояля.

А сейчас, расхаживая по комнате, Наташа впервые подумала, что тогда проявила малодушие. Сегодня с компьютером на «ты» каждый дурак, а многим ли дано играть на рояле? Ей вдруг стало так обидно за себя, поддавшуюся общему увлечению, моде, – ей всегда хотелось быть выше этого, а оказывается, она потихоньку подстраивалась под общую линейку… Захотелось побежать в гостиную, сдуть пыль с крышки старенького фортепиано, которое родители все же перевезли сюда, не слушая старшую дочь, настаивавшую на том, что его нужно продать. И попытаться возродить в себе хоть отголосок той музыки, что звучала когда-то…

И Наташа уже сделала шаг к двери, когда экран монитора вдруг возвестил: «Новых писем: 1». Она заметила надпись краем глаза и замерла от счастья, мгновенно забыв, куда только что собиралась, потом бросилась к столу. Не успев сесть, она щелкнула «мышкой»:

– Открывай, открывай!

Компьютер послушно сообщил, что письмо прислал Барон, и у нее вырвалось:

– Дурак! А кто же еще?!

Ей вовсе не было обидно, что других приятелей в сетях до сих пор не появилось, Наташе хватало одного. Зато какого! Умный, ироничный, знающий все на свете, с жадностью расспрашивающий о ее жизни…

– Ну, что он пишет?

«Ната, привет! Вынужден попрощаться с тобой ненадолго – уезжаю по делам. На связь выйду через месяцок, и уж тогда мы с тобой наговоримся вдосталь. А сейчас – ни минутки, извини! Твой Барон».

Ласкающе провела по экрану кончиками пальцев, повторила шепотом:

– Твой Барон…

Девочке и в голову не пришло, что у взрослых принято так подписывать письма и это ничего не значит. Человек вовсе не отдается тебе душой и телом, если в электронном послании стоит «твой». Такое многообещающее слово… Наташа улыбалась, глядя на экран, потом спохватилась и поскорее отправила Барону короткое пожелание: «Счастливого пути!» Ей хотелось верить, что он еще успеет получить письмо.

* * *

Сима вспомнила о ней лишь за несколько минут до начала репетиции, доклеивая голову Дракона для другого, совсем детского спектакля. Спохватилась: «А этой… Лукьянцевой… еще нет? Ну, и где же мы ходим?! Начинать пора». И тут впервые подумалось, что девочка может и не прийти. Не заинтересовалась. Струсила. Мама не отпустила, пока уроки не сделала. Чтобы объяснить свое неприсутствие, причин всегда найдется с десяток.

– Почему ж я ее номер-то не записала? Неужели еще и эта не придет?

Яростными движениями вытерев перепачканные клеем пальцы, Сима швырнула тряпку на стол. Тонкие концы картонных обрезков на столе сплетались в причудливый узор. Симин цепкий на все необычное взгляд поймал этот рисунок, и Сима замерла, вглядываясь. Остренькие уголки ядовито впились прямо в мозг: «Все может сложиться в жизни независимо от твоих планов… Само по себе.

Ангелина была бы превосходной Гелей, лучше не придумаешь. Только она выбрала другую роль. Без меня обошлась… И что я могла с ней поделать?!»

Схватив мешок для мусора, Сима одним движением сгребла со стола весь ворох обрезков. Могла, могла… От пульсации в голове заболело в левом виске, Сима сморщилась, с силой прижала к нему ладонь. Что там у нее то и дело бьется изнутри? Опухоль растет? Не дай бог… Она только на ноги поставила свой театр…

Равнодушно откликнулось: «Вот именно. Уже поставила. Теперь он не пропадет и без тебя».

Сима смятенно забормотала:

– Как это – без меня? Это же мой театр! Я его выносила, родила.

И сама услышала ответ в этих словах. Никто из детей не умирает от горя, когда уходят их матери. Пуповина давно обрезана, даже энергетическая, ребенок находит новый источник подпитки, приникает к нему жадно, нетерпеливо – дай жизни! Печаль позволяет лучше прочувствовать особый вкус этой жизни, уловить оттенки. И не порченная ржой эгоизма женщина только и подумает, прощаясь: «Все для тебя, мой маленький. Лишь бы тебе было хорошо». Ему хорошо и без ее напутствия, но благословение всегда окрыляет, с ним легче лететь по жизни… А улететь уже не терпится…

«Но это все не про нас. – Сима резко вернула мысли в привычное русло. – Я не собираюсь бросать свой театр на произвол судьбы! Подумаешь – в виске кольнуло… Я просто не умею болеть. Другие вон только и стонут, и охают».

И, легко забыв о неприятном, она бросилась в зал, где все уже собрались на репетицию. Там, как обычно в ее отсутствие, творилось черт-те что: ребята прыгали на сцену и с нее, гонялись друг за другом и неистово орали, потому что не умели тихо разговаривать между собой. Сегодня их было не больше пяти человек, а шуму столько, будто буянит половина Березняков.

Скрытая полумраком, Сима наблюдала за ними, не шевелясь. Перед ее глазами творилась сюрреалистическая картина: разинутые рты, перекошенные лица, нелепые позы. Она учила их подражать животным, быть естественными и

ловкими, но сейчас она видела перед собой скорее бесов. Они одолели ее детей, изгнали из них то настоящее, что обнаружила Сима в каждом из них…

Но она знала, что стоит ей подать голос, и чары спадут.

– Успокоились! – негромко призвала Сима и приготовилась насладиться эффектом.

Всегда поражало, как этим безумным детям удавалось расслышать ее голос и мгновенно, словно вывернувшись с изнанки, стать теми, кто был ей нужен, – вдумчивыми, совсем взрослыми людьми, талантливыми и пластичными душой и телом.

Не дожидаясь следующей команды, они быстро заняли свои места и уставились на нее в радостном нетерпении. Наташи Лукьянцевой среди них не было. Куснув губу, Сима решилась на признание:

– Сегодня у нас должна была появиться Геля. Мне показалось, что я нашла девочку… Очевидно, я была недостаточно убедительна. Наверное, следовало больше рассказать ей о Геле.

– Нужно было показать.

У Симы даже шею прострелило – так резко она обернулась:

– Что ты здесь делаешь?

Махнув тонкой загорелой рукой в ответ на приветственные возгласы («Вот бестолочи! Радуются ей!» – скрипнула зубами Сима), Ангелина прошла к сцене и поднялась на нее так уверенно, будто имела на это право. И с вызовом улыбнулась режиссеру:

– Нужно было сыграть ей одну сцену. Ту самую…

Не только Сима, но и все остальные сразу поняли, что речь идет о том эпизоде, когда изнасилованная отцом Геля пытается сказать об этом матери, но не может решиться: стоит ли? Родители всегда были так нежны друг с другом… И если бы

Геля не примерила прозрачный пеньюар матери – просто из девчоночьего любопытства, перед зеркалом повертеться! – и не побежала бы прямо в нем открыть дверь, ничего бы и не было. Отец так и сказал: «Сама напросилась». И Геля мечется между стыдом за себя и отвращением к отцу, и жалостью к матери, и невозможностью так жить дальше. Как можно просто принять случившееся и сделать вид, будто она – прежняя?! Тяжелая и пронзительная сцена.

– Я встретила Наташу на улице. Я не могла…

Сима не договорила. Могла. Конечно, могла. Нужно было затащить девочку в какую-нибудь подворотню, за старый сарай, каких множество в Березняках, и показать ей Гелины смятение и боль. Может быть, она прочувствовала бы их, как свои… Кто знает, какая там у нее семья?

– Если вам нужна именно эта девочка, ее легко найти через городской телефонный справочник в любом компьютере.

«При ребятах все-таки «вы», – отметила Сима с облегчением. – И то хорошо…»

– Может быть, мне только померещилась в ней Геля, – сказала она в благодарность.

Лицо Ангелины расцвело удовольствием, затуманившим ее разум. Решив, что шаг навстречу сделан с обеих сторон, она умоляюще проговорила, обращаясь к Симе, но заглядывая в глаза каждому:

– А если все-таки мне сыграть Гелю? Это же была моя роль, вы же знаете!

– Нам пора начинать репетицию, – сухо ответила Сима. – Прошу посторонних покинуть зал.

Просительная улыбка еще несколько мгновений дрожала на нежных губах, потом сползла, потянув уголки вниз. Со сцены Ангелина спустилась так неуклюже, будто у нее сковало все мышцы. Мимо режиссера она прошла, не подняв головы, не обожгла напоследок взглядом, и как раз это заставило Симу сжаться от жалости: «Вот же она – изнасилованная Геля! Живая. Что еще надо?!

Кто сможет так разом утратить природную грацию и превратиться в сплошную неловкость? Разве я знала, что она может так некрасиво двигаться? Что я вообще о ней знаю?»

– Ангелина, подожди! – вырвалось у нее.

Человек искусства опять взял в ней верх над обиженным человеком. Их спектаклю нужна была именно эта девушка, и заменить ее было некем. Как же можно пестовать собственную обиду в ущерб театру?!

Ангелина замерла на пороге, еще не решаясь повернуть голову. Сима окинула быстрым взглядом лица своих детей: они смотрели на нее, едва не открыв рты: «Неужели?!» Оказывается, они хотели и ждали этого. Почему же никто из них до сих пор ни слова не сказал в защиту бывшей подруги, которой они так восхищались?

– Что вы молчите, черт возьми?! – зло выкрикнула Сима. Она редко позволяла себе такой тон с актерами, потому что всегда считала свинством унижать человека, который зависит от тебя. – Почему вы не попросите меня остановить ее? Вы что – ослепли? Не видите, что лучшей Гели нам не найти? А ты что стоишь? – заорала она уже на Ангелину. – Быстро на сцену! Мы же теряем время.

Не сказав ни слова, не заставив Симу ни секунды пожалеть о сделанном, Ангелина легко пробежала на тоненьких каблуках через зал и вспрыгнула на сцену. Ей уже снова было пятнадцать. Она оставила лишние годы еще там, у двери, без сожаления навесила их на медную ручку. И никакого Вахтанга больше не было в ее мыслях. Никакого «Мерседеса».

– Текст помнишь? – сурово спросила Сима, стараясь не задерживаться взглядом на сияющем от счастья лице девочки, и бросила, не дожидаясь ответа: – Дайте ей текст. Сегодня репетируем другую сцену…

Но начать они не успели. Обернувшись на скрип двери, петли которой давно требовалось смазать, она едва не простонала: «Вот черт!» Наташа Лукьянцева мялась на пороге, близоруко щурясь:

– Извините… Я туда…

– Туда-туда, – выдохнула Сима. – Проходи, Наташа. Ну, знакомьтесь. Это еще одна Геля…

Взглянуть на Ангелину она не смогла себя заставить. Наблюдать, как меркнет то чудное сияние, которое она сама вызвала к жизни? Ей захотелось крикнуть: «Погоди, не гасни! Еще ничего не решено. Она опоздала». Но Сима понимала, что упрекать в опоздании человека, совсем не знающего их города, несправедливо. Она же толком не объяснила девочке, как их найти. В общем, во всем виновата она сама…

Мягко ухватив Наташу за локоть, Сима ласково заворковала, понизив голос, чтобы их не слышали со сцены:

– Наташенька, тут такое дело… Неожиданно к нам вернулась бывшая исполнительница роли Гели. Вот она – Ангелина Полтавцева. Когда я вам… тебе сватала эту роль, об Ангелине не было ни слуха ни духа. И тут вдруг… – переведя дыхание, Сима стиснула в кулак свободную руку и быстро проговорила: – Наташенька, Ангелина очень хорошо подходит для этой роли. Лучше и быть не может.

– Вы же говорили, что я похожа на Гелю. – Наташа взглянула на сцену и отвела глаза. На лицо Ангелины лучше было не смотреть, потому что оторвать взгляд было трудно.

Сима тут же подтвердила:

– Похожа. Но Ангелина… Ей даже играть не надо, понимаешь? Она и есть Геля.

И договорила уже про себя: «А когда играла Герду, была ею. А в «Обыкновенном чуде» – Принцессой. Она просто потрясающая актриса… Какого черта она связалась с этим «Мерседесом»?!»

– И мы с ней уже репетировали эту роль. Раньше… Она практически готова, если Ангелина ничего не забыла. А мне не верится, что она может забыть это.

– Значит, я не буду играть?

– Будешь! Наташа, у нас свободна еще одна интересная роль. Конечно, она не главная… Но иногда, знаешь, второстепенные персонажи выходят более яркими, чем главные.

– Например, шут Олега Даля в «Короле Лире»?

Сима едва не отшатнулась. Даль был для нее одним из тех актеров, ради которых когда-то и был создан театр.

– Ты видела этот старый фильм?

– Трагедия Шекспира еще старее. Я сначала прочитала, папа мне давал, а потом уже посмотрела по телевизору.

– Какая ты умница! – заметила Сима без тени иронии. – Я очень рада, что мы с тобой встретились. И я очень прошу тебя остаться с нами.

Наташа улыбнулась:

– Да вы еще не знаете, смогу ли я играть на сцене! Я и сама этого не знаю.

* * *

Вместо обычных прощальных слов Сима сказала ей: «А выдержишь? Это тебе не на сцене лицедействовать… В жизни спектакль не заканчивается через два часа». Ангелина попыталась изобразить улыбку: «А что мне еще остается?»

Получилось не очень – иллюстрация к Симиным словам. Об этом обе подумали одновременно, как всегда и было: некоторые мысли удваивались, приходя в голову обеим сразу, делались как-то значительнее, запоминались надолго. Ангелина догадывалась, что именно поэтому для Симы и стало таким ударом ее решение уйти из дома, но поселиться не у нее, а у Вахтанга. В лучшем особняке на Крутом, выглядевшем помещичьей усадьбой среди домишек крепостных крестьян. Был, правда, еще один неплохой дом, так давно пустовавший, что Ангелина успела забыть его историю. Недавно поселившаяся там семья вызывала недоуменное восхищение: явно не воры и не коммерсанты, детей куча мала, а сумели купить такой дом. Видно, своим трудом заработали…

Ангелине не хотелось знакомиться с этой семьей. Как смотреть в глаза таким людям? Ей, продавшейся за сытный обед… И когда старшая девочка семьи Лукьянцевых так же неожиданно, как и она сама, появилась в «Версии» на репетиции, да еще и оказалась той самой претенденткой на роль Гели, Ангелина испытала смятение едва ли не большее, чем утром, когда встретила в уличном кафе Симу.

Но волнение всегда только помогало ей, и она отработала требуемый эпизод из спектакля так, что Сима качнула стриженой, «вороньей» головой, пряча улыбку: «Хороша, чертовка!» Так она хвалила ее раньше, хотя Ангелину коробило, когда поминали черта.

– Как это уживается в тебе? – допытывалась Сима, когда они еще были близки, как сестры. – Воспитана в такой религиозной строгости, что у старообрядцев и то, наверное, попроще, а тянешься к актерству? Это внутренний протест или усталость от вечного поста?

Когда Ангелина ушла к Вахтангу, Сима о ее религиозности даже не заикнулась. Она не могла понять и принять другого: как Ангелина решилась отказаться от театра?

Ее возвращение удивления не вызвало – это должно было случиться. Но предупредить о трудностях постоянной… нет, уже не игры – лжи! – в повседневной жизни Сима считала себя обязанной. Или лгать каждым вздохом, или уходить. Других вариантов не существовало.

Остановив машину у крыльца, Ангелина смотрела на дом, построенный с кавказским размахом, но без учета единства стиля. Здесь было смешано и барокко, и классицизм, и модерн. Вычурное, безвкусное, нелепое сооружение, уродующее и без того захолустную окраину.

В родном ее доме было всего две комнаты, и Ангелина спала на одной кровати с бабушкой, потому что делить диван с подросшим братом было уже неловко. А родители ютились в проходной, вызывая прилив негодования у бабушки, если начинали дышать громче положенного. Всегда находился повод, почему их должен наказать Бог за плотские утехи, не дозволенные именно в этот день. Ангелина с младенчества слышала, что она зачата в страшном грехе, потому что тогда шел Великий пост, а ее распутные родители…

– Это все мать твоя, – цедила бабушка сквозь зубы, жарко дыша девочке в ухо. – Кошка ненасытная… Совсем сын мой из-за нее в грехе увяз! Не будет ему прощения на том свете. А уж матери-то твоей пламя черти разведут пожарче!

Ангелине было жалко маму, которая ничем не напоминала кошку. Уж та фыркнула бы с независимым видом и ушла на все четыре стороны. А мама в бабушкином присутствии глаз боялась поднять, лишний жест сделать. Только тайком, торопливо гладила Ангелинины волосы, прижимала к груди кудрявую головенку ее младшего брата и снова хваталась за работу, которой у нее всегда было как у Золушки. И платье такое же заношенное – до того, что сеточки светились под мышками.

– Бабушка злая? – спросила Ангелина несколько лет назад, когда они остались с матерью вдвоем.

Та испуганно передернулась:

– Что ты! Ваша бабушка – святая женщина.

– Разве святые не должны всех любить? – не унималась девочка. – Христос вон всех любил. Скажешь, не так?

Мама отозвалась неуверенно:

– Бабушка тоже любит. Она всем нам добра желает.

Не сдержавшись, Ангелина выкрикнула, оскорбленная материнским смирением:

– Она тебя кошкой называет! Говорит, что ты папу в грех втягиваешь.

– Я?! – ахнула мать. – Да мне оно и не надо сроду…

– Не надо? Совсем?

– Рано тебе еще задавать такие вопросы, – спохватилась мама. – Разве этим можно в тринадцать лет интересоваться?

Ангелина фыркнула:

– Депутаты вон хотят разрешить замуж с четырнадцати выходить, а ты поговорить боишься!

– С четырнадцати? Да быть не может! Когда же девчонки жить будут, если так рано – замуж?

Ангелине запомнилось: если замужем – значит, уже не жизнь. И, приглядываясь к матери все чаще, она получала только подтверждение этому. Унизительно, больно, мерзко… Зачем вообще это нужно?!

Она и сейчас, уже прожив с Вахтангом несколько месяцев, не нашла ответа на этот вопрос. Спала на шелковых простынях, ванну принимала в джакузи, ужинала в ресторане, а в остальном было так же, как у матери, – унизительно, больно, мерзко. Зачем это нужно женщине? К нему Ангелина сбежала сразу после выпускного бала, не распаленная желанием, а измотанная ненавистью, на которой зиждилась их семья. А Вахтанг нашептывал о любви… И, наверное, действительно любил, по-своему, по-мужски, отчего как раз и становилось больно и мерзко. С чего она взяла, что любовь чем-то лучше ненависти?

Лишь однажды ей показалось, что человек, которого она по-настоящему любит, может стать ей другом безо всяких условий. И она уже готова была умолять Симу принять ее к себе, лишь бы освободиться от гнета отчей нелюбви, как однажды, перемывая чашки после вечернего чая, вспомнила то, о чем хотела спросить (сейчас уже забылось – о чем?), и, не выключив воду, вышла из кухни. Сима скрючилась на коленях перед тумбочкой, где хранились фотоальбомы, и целовала снимок своих дочерей. Ангелина узнала его издали, потому что ревность выделила из десятков других, вынудила запомнить.

Вернувшись в кухню, она домыла посуду и тихонько ушла, не попрощавшись. Ушла к Вахтангу, который уже и не надеялся заманить ее…

«Нужно выйти из машины и подняться к нему, – подумала Ангелина с тоской. – Сейчас начнет допрашивать: где была? С кем? Почему телефон на целых два часа выключила? Лучше сразу сказать ему про театр, а то он накрутит столько –

сама не рада буду, что правду скрыла. Весь город носом перероет, будет соперника искать. Полный идиот!»

Мстительно хмыкнув, она решилась выбраться из «Мерседеса» и, стараясь держать спину прямо, быстро прошла к двери. Было не видно – красное закатное солнце било в окна, – но Вахтанг вполне мог наблюдать за ней. Ангелина все же подняла голову, прищурилась, но стекла показались залитыми кровью. Ей захотелось поежиться: страшновато… Нет чтобы зазвать в гости эту новенькую девчонку – Наташу Лукьянцеву, все не так жутко было бы входить в свой же дом. Нет, не свой… И своим, похоже, не станет. Тот, пропахший затхлостью и невкусной едой, тоже не стал. Может, ей просто не суждено иметь свой дом – такой, в котором любишь каждую плашку пола, каждый гвоздь в стене? Не приживается она как-то… Уже и здесь плохо. А будет ли где-нибудь лучше?

Пытаясь хотя бы внешне изобразить независимость, Ангелина свободным жестом отбросила густые волосы, чуть прищурила глаза, чтобы страх во взгляде был не так заметен, и, наконец, шагнула через порог. В груди у нее колотилось так лихорадочно, что стоило Вахтангу приблизиться вплотную (а он вообще не мог разговаривать без того, чтобы одновременно не тискать ее), и он без труда уловил бы, как она испугана.

«От чего? – потребовала она у себя ответа. – Я ничего не сделала такого уж… Репетиция – это же не свидание с другим! Да нет… Именно свидание. Больше, чем свидание».

Не обнаружив его в холле (думалось-то, что поджидает за порогом!), Ангелина растерянно огляделась, прислушалась, не доверяя тишине, которая могла расколоться криком в любой момент. Сбросив туфли, чтобы не стучать каблуками, прошла в гостиную, зацепилась взглядом за рога зубра, которые этот дурак Вахтанг повесил на стену, несмотря на то что рядом находился заповедник, злорадно подумала: «Тебе такие были бы в самый раз…» И показала язык зеркалу, без обиды подтвердившему следом: она все равно красавица, хоть и корчит рожи.

На первом этаже никого не оказалось, и Ангелина с тоской подумала, что дела как в сказке – чем дальше, тем страшнее. Со второго этажа Вахтанг может запросто спустить ее, а это уже совсем не то, что убежать с первого. Но делать было нечего. Не отсиживаться же здесь всю оставшуюся жизнь? В любом случае нужно переодеться – во время репетиции посадила на платье несколько пятен.

Внезапно осенило: а что, если наврать, будто заезжала к своим? И сотовый, мол, выключала потому, что бабуля не выносит все эти новомодные штучки. У них и городского-то телефона до сих пор нет… А чтобы потом не пришлось ехать туда вместе с Вахтангом и подтверждать визит к родителям, можно сказать, будто любимая бабушка погнала ее палкой и, спасаясь бегством, Ангелина натыкалась на все подряд, вот платье и перемазала.

Уже просияв от радости, она вдруг подумала, что именно так и было бы, если б она появилась дома, и улыбка тут же обернулась плаксивой гримасой.

«Нет, не сейчас! – остановила она себя. – Ночью наплачусь. Когда он захрапит прямо на мне и придется его сталкивать…»

Придуманная версия разонравилась Ангелине, пока она поднималась на второй этаж. Если выдать именно ее, то придется придумывать что-то каждый раз, когда ей нужно будет идти на репетицию. А пропускать нельзя, особенно сейчас, когда появилась конкурентка. Если Сима снова разозлится, то махом отдаст роль Наташке… И Ангелину больше на порог не пустит.

Остановившись перед закрытой дверью в спальню, Ангелина попыталась дышать ровнее, но от мысли, что деваться некуда и придется сказать правду, у нее перехватывало горло. Слегка помассировав его пальцами, она решительно толкнула дверь и сразу же увидела голого Вахтанга, возлежавшего на их постели в позе Данаи, о которой он наверняка и не слышал. Складки толстого живота оплывали на покрывало чудовищным наростом, покрытым шерстью, пальцы волосатых ног возбужденно шевелились – по их движению Ангелина первым делом определяла, что сейчас ее опять призовут к ответу за красоту.

«Но сейчас-то меня ведь даже дома не было! – едва не взвыла она. – Сам себя распалил, что ли?!»

Ей тут же пришло в голову, что, может, это и к лучшему. Может, пока он так одержим ею, удастся уговорить его отпускать ее на репетиции. Разве ему не хочется, чтобы она блистала на сцене, а он горделиво поглядывал бы по сторонам: «Это моя женщина!»

Правда, роль у нее в этой пьесе такая, что любому нормальному мужику стало бы стыдно за себя и за весь свой род. Ангелина подозревала: Сима специально выбрала эту пьесу. И ее желание отыграться на сильной половине человечества хотя бы таким образом, было вполне понятно. Озадачивало другое – автором пьесы был мужчина…

– Привет, дорогой! – пропела она тем голоском, который у нее самой вызывал отвращение. – А ты, я смотрю, уже в полной боевой готовности?

– Раздевайся, – коротко приказал Вахтанг.

«А что еще я надеялась от него услышать? Хорошо, что я не пригласила Наташку в гости. Она еще маленькая, ей рано знать, как это бывает…» – Неудобно завернув руку, Ангелина расстегнула замок на спине, вышагнула из платья.

– Все снимай, все! – нетерпеливо выкрикнул он. – Давай, на лыжах катайся!

Она так и взвыла:

– Опять?!

Вахтангу страшно нравилась биатлонистка Лив Грета Пуарэ, и время от времени, измученный своими фантазиями, он заставлял Ангелину раздеваться и имитировать лыжный бег. Потом ложиться на ковер, широко раздвинув ноги, и «стрелять» по видимой ему одному мишени, обязательно содрогаясь всем телом от каждого выстрела. Стрельбу стоя он волевым решением отменил. Такая поза – со сгорбленной спиной – его не возбуждала.

– Беги, беги! С горки едешь… Да попой ко мне повернись! Вот хорошо…

«Сволочь! – подумала она с ненавистью. – Извращенец хренов! Да Лив Грета на тебя плюнуть бы побрезговала, урод…»

– Теперь стреляй. Ай, молодец – в «яблочко» попала!

«Я бы тебе попала в «яблочко». – Ангелина старательно изобразила отдачу от выстрела. – Если б твоя рожа была мишенью, я точно не промазала бы».

– А теперь сюда прыгай. Да скорей, скорей!

Она вскочила на постель, упала навзничь: «Ну, сейчас раз-два, и все. Мог бы и без меня справиться…»

Захрипев ей в ухо, Вахтанг расслабился, совсем расплющив Ангелину, с тоской признавшую, что упустила момент, теперь заводить разговор о театре уже бесполезно. Сейчас он от нее ничего не хочет, значит, и ее желания не имеют значения. Вот когда ему снова приспичит посмотреть биатлон…

* * *

Она не держала фотографий на комоде, не развешивала их по стенам, как теперь было принято. Ничего не имела против этой заимствованной на Западе моды, но постоянно натыкаться взглядом на лица отвергнувших ее дочерей было слишком больно. Точно жить в узкой трубе, усеянной шипами…

Конечно, было всего лишь хоть и жутковатым, но совпадением, что Ангелина была ровесницей ее старшей дочери, а Наташа Лукьянцева – младшей. И Сима даже не сразу поняла это, ведь не о возрасте спросила, когда поймала девочку за рукав. Ощущение маленького, трепещущего птенца осталось в ладони… У ее Лизоньки ручки, наверное, такие же тоненькие, ведь в раннем детстве она походила на мать, значит, ростом не выйдет. Для нынешних девчонок это трагедия, будет еще и за это проклинать Симу…

Когда виделись в последний раз, Лизе было одиннадцать, волосы пока не набрались материнской жесткости и черноты, разлетались серебристым пушком. Сима рванулась прижаться к нему лицом, но девочка оттолкнула ее и выкрикнула с легким американским акцентом, повергнувшим Симу в уныние:

– Не трогай меня! Ты меня бросила, теперь не лезь!

– Я не могла уехать из России, – пробормотала Сима, понимая, как это неубедительно звучит в устах матери, не сумевшей отказаться от абстрактного для дочерей дела ради детей.

Конечно, она должна была оставить свой театр, сказала себе Сима в миллионный раз. Должна была поставить крест на всех своих мечтах и отправиться вместе с ними в Штаты, где была бы одной из тысяч – мужней женой. Но была бы и матерью, и Лиза не отталкивала бы ее руки, а сама бросалась бы на шею, как было раньше, когда Сима приходила за ней в детский сад. Они всегда держались за руки, хотя машин в Березняках можно было не опасаться. Им просто было необходимо касаться друг друга, делиться теплом, незаметно для остальных поглаживать пальцы. Громко хрустеть опавшими листьями, громко делиться важными детсадовскими новостями, громко смеяться, не стесняясь прохожих, которые по-настоящему и не существовали для них двоих. Никого больше не было в мире.

Когда-то так же было и с Ритой, старшенькой, которая теперь просто не замечала мать. На ходу подарила вежливую улыбку – точно такую же, как таксисту, который доставил Симу к их дому в Далласе и донес чемодан до крыльца. Парень оказался русским эмигрантом из Питера, и всю дорогу они с Симой проговорили не умолкая. Это был последний человек, с которым ей толком удалось поговорить в Америке. Рита даже не спросила, как она долетела – и, собственно, зачем? Лиза хлестнула упреком и убежала в свою комнату.

Их отец, изображая смущение, развел руками:

– А что ты хотела, дорогая? У них трудный возраст. К тому же положа руку на сердце их можно понять…

– Я-то их понимаю. Это они отказываются понять меня.

– Нет, им как раз все понятно, дорогая!

– Перестань называть меня «дорогой»! Терпеть этого не могу.

У Антона – Энтони! – разом затвердело лицо:

– Не указывай мне в моем доме, как и что я должен говорить. Если тебя что-то не устраивает, ближайший отель в пяти минутах езды. Ты сама напросилась приехать к нам, мы тебя не приглашали.

– У меня есть твое приглашение…

– Это всего лишь формальность.

– Я знаю. Наши отношения теперь – сплошная формальность.

– Это ты сделала их такими, дорогая. – Он улыбнулся с американской жизнерадостностью. – Хочешь чего-нибудь выпить?

У Симы вырвалось:

– С тобой? Нет, спасибо.

Опустившись в белое кожаное кресло («Жлобское!» – отметила Сима), Антон закинул ногу на ногу и спросил с той ласковостью, по которой она определяла, что он закипает от бешенства:

– Что еще тебе предложить? Обратный билет на самолет?

– У меня есть, успокойся.

– О! И когда же ты отчаливаешь, дорогая?

– Я рассчитывала побыть здесь неделю…

Он качнул головой:

– Это много. Девочкам вредно испытывать дискомфорт так долго.

– И когда же ты собираешься меня выставить?

– Завтра.

Это прозвучало так жестко, что Сима даже не нашла что возразить. Она взглянула на часы: этот день почти закончен, а утром Антон отправит ее в аэропорт. Зачем надо было тащиться через полмира? Чтобы переночевать в

комнате для гостей?

– Я хочу… Я должна попытаться еще раз…

– Попытаться – что? – с интересом уточнил он.

Только теперь Сима расслышала, что в его речи тоже появился едва заметный акцент. Они, все трое, изо всех сил старались превратиться в американцев. Нацию попкорновых толстяков, от имени и в интересах которых пытаются уничтожить мир. Ей стало страшно.

– Попытаться поговорить с девочками… Мы же можем просто поговорить!

– С ними тебе будет труднее найти общий язык, чем со своими актрисульками.

– В этом я уже убедилась, ты мог бы и не напоминать.

– Но о чем-то же нам надо беседовать!

– Необязательно, – решила Сима за обоих, как делала всегда. Правильно ли?

Антон пристально следил за ней, пока она поднималась наверх, и его ненавидящий взгляд сверлил Симе спину между лопатками. «Как же ему хочется, чтобы я сейчас оступилась и свернула себе шею! Он ведь до жути боится, что мне удастся вернуть девочек. Хотя бы их сердца…» – Она подарила бывшему мужу улыбку, растянутую до американской.

– Не оступись, дорогая, – напутствовал он. – К этой лестнице нужно привыкнуть.

– Я всю жизнь карабкаюсь вверх, дорогой. Этим меня не испугаешь, – отозвалась она.

Вот что действительно страшно было сделать, так это постучать в Лизину дверь. Когда они все вместе жили в Березняках, комнаты не закрывались, просто незачем было, ведь у них все было общее, одно – на всех. Даже у них с Антоном, хотя сейчас в это трудно было поверить и плохо помнилось. Но – было! Тринадцать лет счастья. Может, число виновато? И нужно было всего лишь

попытаться удержать его в России еще на год, вцепиться и не пускать… Тогда бы его когда-то так неистово любимое Симой лицо не изуродовала американская гримаса. Но у Антона возникло Дело. Предложение, от которого он не смог отказаться. У него дело, и у нее – дело.

Все остальное угодило в пропасть между этими важными делами, а среди этого остального был и громкий смех на засыпанной листьями улице; и хрустящие вафли-трубочки, которые пекли все вместе, потешаясь над вафельницей, издававшей протяжные стоны; и «прикольные» записочки, которые писали друг другу на липких бумажках и наклеивали в самых неожиданных местах… Все это как раз и было их жизнью. Как она могла пожертвовать реальностью любви ради откровенно эфемерного театрального искусства?!

«Но люди уходят после наших спектаклей потрясенными, преображенными, унося свет в душах, – наспех заспорила с собой Сима, стоя перед дверью младшей дочери. – Разве это не стоящее дело? А если говорить об эфемерности, так ведь и душа человеческая такова. Может, тогда не стоит и стараться ради нее? И тогда религия, литература, музыка, театр, живопись не нужны вовсе? Вот этим, попкорновым, точно не нужны…»

Она понимала, что несправедлива к американцам, и в этой стране не у всех мозги заплыли жиром. Концертные залы полны, и художники…

Дверь перед ней распахнулась так неожиданно, что Сима не успела додумать. И, очевидно, сожаление отразилось на ее лице, как случалось всегда, если она теряла мысль. И Лиза это сразу заметила, – тоже еще окончательно не утратила связи с тем прошлым, когда они были родными, – ощетинилась:

– Что ты хочешь?

«Боже мой, она скоро разучится говорить по-русски! Или будет коверкать слова и фразы, как голливудские актеры, играющие наших…»

– Тебе редко приходится общаться с русскими?

– Я с ними не общаюсь, – отрезала дочь, презрительно скривив рот. Когда-то она, засыпая у Симы под боком, несколько раз поворачивалась, прежде чем уснуть, и целовала мать в губы. – Они все воры. Ты зачем приехала?

– Повидать тебя. Вас с Ритой.

– Повидала?

Лиза уже хотела захлопнуть дверь, но Сима успела упереться в нее ногой. Колено заныло, удерживая напор ненависти, переполнявшей девочку.

– Пусти! – взвизгнула она, покраснев от натуги и гнева. – Я вызову полицию.

От изумления Сима так и обмякла, отступила:

– Что ты сделаешь?

Но Лиза уже и сама сообразила, что сболтнула глупость несусветную, даже почесалась от неловкости. Отвела глаза, буркнула:

– Ничего. Что тебе нужно в моей комнате?

– Всего лишь хотела взглянуть, чем ты сейчас живешь…

– Зачем это?

– Мне хочется это знать… Я буду представлять тебя в твоей комнате, когда вернусь домой.

Презрительная гримаска исказила лицо девочки почти до неузнаваемости.

«А у нее выразительная мимика, – непроизвольно отметила Сима. – Можно было бы попробовать поработать с ней на сцене. Господи, о чем это я?!»

– Думаешь, я заплачу от жалости?

– Ко мне? Нет, конечно. Может, от жалости к себе?

– А себя почему жалеть?

– Потому что ты уже с трудом говоришь по-русски! Боюсь, что ты уже и думаешь, как американка. И мир воспринимаешь с их тупым самодовольством.

Отступив, словно ища поддержки у ставших привычными вещей, Лиза прокричала, сжимая кулачки:

– Ты просто завидуешь! Вы там гниете в своей России, а у нас все есть!

– Я вижу. – Сима отважно шагнула за ней следом, быстро осмотрела комнату: постеры, компьютер, аудиосистема. Из книг – только учебники. – Я привезла тебе кое-какие книги.

– Зачем?

– Зачем книги? В великой державе этого не знают?

– Джоан Роулинг пишет по-английски. А что еще читать?

Симу бросило в жар, даже руки задрожали:

– Неужели ты действительно так думаешь? Если только пытаешься вывести меня из себя, то лучше не надо. Не унижай себя такими словами.

– Я не поняла, что ты сказала, – заявила девочка с вызовом.

– Ты все поняла. Давай не будем спорить… Я ведь только хотела узнать, хорошо ли тебе здесь?

– Хорошо!

«Когда человеку на самом деле хорошо, он не кричит об этом с таким напором», – подумала Сима с грустью. Но дочери улыбнулась:

– Ну, и слава богу! Теперь мне будет спокойней.

Стало заметно, что девочка слегка опешила:

– Это все?

– А что еще нужно, если тебе хорошо?

– И ты больше ничего не хочешь?

Сима вздохнула:

– Хочу. Я очень хочу усадить тебя на колени, обнять крепко-крепко, поцеловать твои волосы, твои глаза, щеки… И рассказать, как я люблю тебя. Но ты ведь, наверное, не позволишь этого?

Все Лизино личико напряглось, съежилось:

– Ты не захотела жить со мной! А теперь говоришь, как любишь!

– Что мне делать в этой стране? – взмолилась Сима. – В России мои зрители, мои актеры, воспоминания, вся жизнь! А тут – что?

– А тут я, – тихо сказала девочка. – Уходи. Я не верю, что ты меня любишь. Или это очень маленькая любовь…

…Закрыв альбом, Сима ладонью вытерла слезы – платка никогда не оказывалось под рукой. Старшая дочь даже не открыла ей.

Всю ночь Сима проревела в комнате для гостей, а утром Антон отвез ее в аэропорт и сам заплатил за перерегистрацию билета на более ранний рейс. С тех пор они больше не виделись.

* * *

– Зачем она пригласила автора? – спросила Наташа как можно тише, чтобы Сима не расслышала. – При нем как-то страшно играть… Так всегда делается?

Ангелина дернула губами, выразив неосведомленность:

– Я такого не помню. Правда, Андерсена как пригласить было?

– Вы ставили Андерсена?

– «Снежную королеву». Давно уже.

– Ты играла…

– Герду. Это была моя первая роль. – Ангелина улыбнулась, но улыбка вышла какой-то жалкой.

Проследив, как длинные пальцы без устали наматывают и распускают поясок летней юбки, Наташа быстро проговорила, наклонившись так, что их волосы примагнитились:

– Хорошо иметь такого друга, как Герда.

– Наверное, – отозвалась Ангелина равнодушно. – У меня никогда не было друзей.

– Никогда не было друзей? Совсем никогда?

– Меня практически не выпускали из дома. Из школы сразу домой. Молитва, уборка, уроки…

– Ты молилась после школы?

Наташа попыталась представить ее стоящей на коленях. В воображении это выглядело как-то ненатурально, словно кадр из плохого фильма. Может, потому, что в их семье это не было заведено и она видела молящихся только в кино.

Дернув поясок, Ангелина пробормотала:

– Попробуй не помолись! Бабуля меня со свету сжила бы. Она из тех, кто ради веры способен камнями забросать…

И крикнула Симе:

– Может быть, мы начнем репетировать? А когда этот ваш автор, наконец, появится, прервемся. Хотя зачем – непонятно… Он же все уже сказал этой пьесой! Что он еще хочет добавить?

В сотый раз просматривавшая текст Сима подняла голову:

– Ты очень торопишься?

– Не очень. – Ангелина тут же пошла на попятную. – Просто не хочется торчать тут без толку…

– Так иди домой. Если там от тебя больше толку.

«Как-то она с намеком это сказала, – уловила Наташа. – Ей что-то известно об Ангелине… особенное. А я вообще ничего о ней не знаю».

Вроде бы это и не могло быть поводом для переживаний, ведь в последнее время рядом с Наташей Лукьянцевой появилось много людей, подробности жизни которых были ей неизвестны. Но как раз об Ангелине ей хотелось бы знать побольше. Не только потому, что до сих пор Наташа еще не встречала вживую таких красивых людей. Ее притягивала некая печальная тайна, отсвет которой виделся в Ангелинином взгляде. Мгновенно гаснущая улыбка, нервные пальцы, явственно проступающее беспокойство – все это выдавало постоянную тревогу, но о чем или о ком, Наташа спросить не осмеливалась.

Она решила попытаться разузнать исподволь:

– А о чем ты молишься?

– Уже не молюсь, – отозвалась Ангелина не сразу. – Я получила все, что хотела.

«Это вряд ли, – подумала Наташа с сомнением. – Не похожа она на счастливого человека… Когда мы подарили маме мастерскую, вот это действительно было для нее счастьем!»

– Я не совсем поняла, – робко начала она, – ты уже замужем, что ли?

– Нет!

Это прозвучало так, будто Ангелина оттолкнула ее. И подступиться с расспросами снова теперь казалось немыслимым.

Чуть отвернувшись, Наташа принялась разглядывать зрительный зал, который сейчас был занят скучающими артистами, небольшую сцену, пустую без декораций и действия. Обычно она была освещена, а зрителей скрывал полумрак, но сейчас Сима везде включила свет, и очарование таинственности сразу исчезло, возникло ощущение будничности, даже скуки, с которой для Наташи никогда не был связан театр.

«Для Симы это – просто работа? Все равно что овощами торговать? Или она еще улавливает присутствие чуда, которое я тут ощутила в первый раз? Тогда Ангелина играла так, будто ей предстояло умереть после репетиции и ей непременно нужно было, чтоб ее запомнили такой… Вот это и называется – обыкновенное чудо. А сейчас сидит рядом как ни в чем не бывало и ногти грызет. Как самая обычная девчонка…» – Наташе захотелось силой опустить ее руку, прокричать ей в лицо, что она не может вести себя как простая смертная, не имеет права! Она должна нести свой талант бережно, точно драгоценный нектар, себя подавать как сокровище, к которому даже приблизиться страшно… Неужели Ангелина сама не понимает этого? Те люди, что с ней рядом, не понимают…

– Я не замужем, – неожиданно заговорила Ангелина о том же. – Но я живу с одним типом… Об этом ты, наверное, и слышала. Болтают, да? Я так и знала… Сбежала к нему из дома, думала – на свободу! А оказалось… Ну, в общем, как всегда.

– Ты его не любишь? – еле слышно прошептала Наташа.

– Ненавижу.

Вот в это поверилось сразу, потому что в нежном Ангелинином лице внезапно проступила та холодная жесткость, что сейчас, пожалуй, позволила бы ей сыграть в «Снежной королеве» другую роль. И у Наташи от жалости зашлось сердце: это же как надо было потрудиться, чтобы так ожесточить Герду…

Она проговорила умоляюще:

– А уйти от него ты не можешь?

– Куда? К своим вернуться? Чтобы меня бабка поедом ела? Да она такую грешницу и на порог не пустит…

– А хочешь, – Наташа даже подскочила, осененная спасительной идеей, – хочешь у нас пожить? У нас есть свободная комната! Дом, знаешь, какой здоровый!

Не выказав ни малейшей радости, Ангелина кивнула:

– Видела. И как это твой папа-врач ухитрился купить такой?

– Нам его бабушка в наследство оставила. Но лучше бы она не умирала. Родители не сразу переехать решились, все-таки Москву бросать… Все спорили, пока моя младшая сестренка не родилась. Тогда уже у нас совсем не протолкнуться стало.

– А у бабушки откуда взялся этот дом? – Вот теперь Ангелина будто проснулась. – Дедушка каким-нибудь партийным начальником был?

– Был, – отозвалась Наташа с вызовом. – Так ты будешь жить с нами?

И снова отчуждение:

– С какой стати? Думаешь, твои родители будут счастливы заполучить приживалку?

– Почему – приживалку?!

– Все, хватит об этом. И не заговаривай даже. Я свои проблемы сама разгребу. Хватит на кого-то надеяться… Все, молчи! – заметив, что Наташа пытается что-то возразить, прервала она. – Вон Потапов приехал. Сейчас начнет нам мозги вкручивать.

Обернувшись к двери, Наташа увидела, как Сима трясет руку кому-то, больше похожему на артиста, чем на драматурга.

– Ты уверена, что это и есть Потапов? Стильный такой… Симпатичный, да? И не такой старый, как я думала. Вообще – молодой!

– Значит, это не он был тем отцом, – пробормотала Ангелина. – По возрасту не подходит… А я уж думала, он пытается от чувства вины избавиться.

– Ты думала, это он о себе написал? – удивилась Наташа. – Да разве в таком кто признается? Хоть и в пьесе…

– Да сколько угодно! Серийные убийцы и то воспоминания пишут. Бестселлерами становятся, между прочим.

Присмотревшись, Наташа убежденно сказала:

– Он не похож на насильника.

– Они все не похожи…

– А как его, кстати, зовут? Сима все: Потапов да Потапов. Смешная фамилия, правда? Не подходит для писателя.

– Не знаю, как его зовут, – буркнула Ангелина, снова занявшись своим пояском. – Надеюсь, теперь мы начнем репетицию?

Подтащив Потапова за руку, Сима радостно провозгласила:

– Долгожданное свершилось! К нам приехал автор пьесы «Что такое палисадник?» Лев Алексеевич Потапов.

– Лучше – без Алексеевича, – поправил он.

Ангелина тихо просвистела:

– Гос-споди… Он еще и Лев!

– Разве в литературе может быть второй Лев? – поддержала ее Наташа, еще не разобравшаяся, нравится ей Потапов или вызывает отвращение.

Он был так красив, что трудно было отвести взгляд. Серые глаза казались слишком большими, чересчур насмешливыми. Правда, смущали темные, набрякшие круги под ними, что Наташа привыкла считать признаком пережитого страдания или алкоголизма. Где-то она читала об этом… Неужели человек с таким лицом мог страдать? Взгляд его казался слишком ироничным, а губы выражали постоянную готовность к улыбке. Или все же к усмешке? Едва наметившаяся ямка на подбородке… Короткие волосы теплого, золотистого оттенка.

– Он похож на Джуда Лоу! – сообразила Наташа. – А я-то думаю, почему мне сразу показалось, что он больше напоминает артиста, чем писателя! Ты ведь знаешь Джуда Лоу?

– Не помню, – отрезала Ангелина.

Она нервничала все заметнее и каждую минуту поглядывала на часы.

– Может, он – алкоголик? – продолжая свою мысль, проговорила Наташа, больше не обращаясь к ней. – Говорят, все писатели пьют…

Сима, от которой так и разлетались искры радости, подтащила Потапова к ним:

– Вот наша Геля.

– Которая из двух? – уточнил он, заставив Ангелину вспыхнуть.

Наташа поспешно сказала:

– Конечно, она. Вы бы видели, как она играет!

– Надеюсь, что вы доставите мне такое удовольствие.

Он вроде бы говорил вежливо, но даже Наташе послышалась издевка в его тоне. «Зачем он так? – вскрикнула она про себя. – С Ангелиной нельзя так… Она и без него вся – оголенный нерв!»

Но Ангелина тоже огрызнулась, порадовав ее:

– Доставлю. Не сомневайтесь.

Сима засмеялась:

– Вы с нашей Ангелиной поаккуратнее. Она из тех, кому палец в рот не клади. Не стоит даже протягивать.

– Серьезно? Геля такой не была, – заметил Лев.

– Ангелина может быть всякой, – заверила его Сима. – Сами увидите.

Ангелина неожиданно встала:

– Поздно. Вы слишком долго добирались, господин Лев. Мне уже пора уходить.

– Ты с ума сошла? – задохнулась Сима.

– Репетиция была назначена на семь часов. Сейчас уже без двадцати девять. До свидания.

Схватив ее за руку, Сима отчеканила:

– Ты никуда не пойдешь, поняла? Пока мы не покажем хотя бы одну сцену, ты останешься здесь.

– Вы хотите, чтобы меня убили? – поинтересовалась Ангелина с таким спокойствием, что это произвело впечатление даже на Потапова.

– Не надо крови. – Правый уголок его губ пополз кверху. – Я вполне могу подождать до завтра. Надеюсь, в ваших гостиницах найдется один свободный номер?

Сима быстро закивала:

– Я все устрою, Лев Алексеевич.

– Сима!

– Простите! – Она прижала руку к груди, выразительно округлив глаза. – Просто – Лев. Как я могла забыть?

Не дожидаясь, пока они закончат любезничать, Ангелина быстро пошла к выходу, больше ни с кем не прощаясь. Потапов проводил ее взглядом.

– Кто знает, – сказал он, – какой стала бы Геля через какое-то время…

– Она – лучшая Геля, – убежденно произнесла Сима. – Завтра вы убедитесь в этом.

* * *

Уже после все произошедшее показалось ей сценой из дешевой мелодрамы: она устроила его в номере, он удержал ее руку, протянутую на прощание.

– Разве вы не останетесь?

– Да вы с ума сошли! – Сима взглянула на круглые настенные часы, даже на вид стоившие копейку, как и весь номер. – Уже почти полночь. Я и сейчас-то с

трудом доберусь домой. С такси у нас тут проблемы…

Лев потянул настойчивее:

– Серьезно? Вот и оставайтесь. Не пешком же идти среди ночи.

– Лев Алексеевич, вы перепутали роли. Вы – не герой-любовник, вы – автор, – отчеканила она, чтобы разозлить его хотя бы отчеством, которое было вполне приличным, но почему-то раздражало Потапова больше, чем претенциозное имя.

Но на этот раз он только поморщился и улыбнулся во весь рот. Тому, кто видел его улыбку, немедленно хотелось острить и валять дурака, лишь бы это сияние не гасло. Но Сима успела подумать об этом раньше, чем впасть в зависимость, и потому постаралась так же улыбнуться в ответ. Так, конечно же, не получилось, но какое-то подобие солнечного света она из себя выжала.

Не отпуская ее руку и уже причиняя боль, потому что Сима не оставляла попыток вырваться, Лев ласково проговорил:

– Ладно, пусть я не герой-любовник… Но я ведь не безнадежный урод, чтобы перспектива провести со мной ночь так ужасала! А в ваших глазах – ужас.

– В моих глазах – обида, – пояснила Сима, стараясь не распаляться и говорить спокойно.

– Серьезно? Обида на что?

Склонив голову набок, он заглядывал в ее глаза с таким простодушным видом, что Симе захотелось не отчитать его, а потрепать по щеке. Прижать ладонь к этой щеке и насладиться теплом, которого она еще не знала. Рукопожатие, из которого Сима так упорно выбиралась, не позволяло прочувствовать его…

– На то, что меня приравнивают к гостиничной шлюхе, которой к тому же можно и не платить, – ответила она, и сама услышала, какая глупость прозвучала.

Лев рассмеялся взахлеб, совсем по-детски:

– А вы хотите, чтоб я вам заплатил?

– Я сама могу вам заплатить!

– Ага! – У него даже глаза просияли. – Так вы иногда покупаете себе мальчиков, а? Признавайтесь!

– Вы – не мальчик.

Вздохнув, он подтвердил:

– Не мальчик. Похоже, мы с вами ровесники. Я староват для вас? Это мой преклонный возраст мешает вам остаться?

– И мои нравственные устои. – Сима оскалилась и мгновенно спрятала улыбку.

Неожиданно Лев выпустил ее руку:

– Просто я вам не понравился. Ну что ж… На нет и суда нет. Спокойной ночи.

Она даже растерялась. И больше оттого, что внезапно поняла, как же ей не хочется, чтобы он ее отпускал. Но пришлось принудить себя:

– Спокойной ночи.

Подхватить сумочку, сделать несколько шагов до двери, повернуть ручку – что может быть проще? Но когда раздался оклик, Сима испытала невероятное облегчение.

– Подождите, Сима! А просто посидеть со мной в ресторане вы согласитесь?

Забыв, как показывала этот кокетливый жест своим артисткам, она посмотрела через плечо:

– Ужин и по домам?

– И я сам вызову вам такси.

«Эти глаза умеют лгать. Еще как!» – Она подумала об этом без страха, без сожаления. В конце концов, что она теряла? Свою безупречную репутацию? Да не была она такой уж безупречной… Мальчиков, конечно, не покупала, до этого еще не дошло, но мужчины бывали у нее в доме, и она не считала это чем-то постыдным. Обета безбрачия после развода не давала…

– Ладно, пошли.

Пальцы Потапова сошлись выше ее локтя:

– У меня знакомый поэт есть, он любой женщине может сказать: «Худенькая ты моя!» Многим это нравится…

– Я не сижу на кремлевской диете, если вы об этом.

– Просто безумие какое-то с этими диетами… Кто внушил девочкам, что мужчинам нравится биться о кости?

– Мужики тоже подсчитывают очки, будьте спокойны!

– У вас татуировка на руке. – Лев погладил ее согнутым пальцем. – Что она значит?

«А вот это зря!» – едва не вырвалось у нее. Но отвечать на это приходилось не впервые. Сама виновата, нужно было делать тату где-нибудь на животе, чтобы в глаза не бросалось.

– Первые буквы имен моих дочерей. Переплетены накрепко и вживлены в мою кожу.

Потапов остановился посреди гостиничного коридора:

– Серьезно? С кем же они сейчас?

– С мужем.

– Ого! Так вы поэтому так рвались домой?

– В Америке.

– А-а, – с облегчением выдохнул он и снова потянул ее за собой. – И надолго они?

Сима заставила себя произнести это. Ей даже не пришлось зажмуриваться, чтобы не выдать боли.

– Навсегда. Наверное, навсегда.

Он сконфуженно пробормотал:

– В самом деле?

– И муж, кстати, уже бывший, так что крепкую советскую семью вы не разрушаете.

– Ну, слава богу!

– Я была уверена, что вы ответите: и не собирался.

Спустившись на одну ступеньку ниже, Лев обернулся, и они оказались лицом к лицу.

– Серьезно? А если как раз собирался?

– Если бы семья была, то вам это не удалось бы. Я была верной женой, как это ни странно. Хотя почему – странно? Не такая уж это и редкость в нашем театральном мире, как думает обыватель.

– Вам кажется, он думает о нас?

– Может, мы уже пойдем? – взмолилась Сима.

Потапов улыбнулся так, будто все понял, вообще уже все знал о ней, и повел Симу вниз, церемонно поддерживая ее руку. Ей увиделось это кадром из еще не задуманного фильма: «Какая шикарная картинка! Он – шикарный мужик, ничего не скажешь… Хотя, наверное, не очень богатый. На электричке приехал. В одежде не разбираюсь… Может, эти джинсы на нем стоят целое состояние, а может, три копейки. Ему вообще-то можно и не тратиться. С таким-то лицом! Дело даже не в том, что черты правильные, зубы хорошие… В нем столько обаяния, что от его лица просто невозможно отвести глаз. Что за идиотизм – отказываться от возможности полюбоваться им спящим?!»

В ресторан Сима уже вплыла сомнамбулой, завороженная самой же придуманным видением: едва прикрытый простыней, Лев спит, утомленный, по-детски чуть приоткрыв губы, словно удивляясь своим снам, а она, приподнявшись на локте, напитывается его красотой. Адонис, наверное, был таким…

– Нам, пожалуйста, столик на двоих, в каком-нибудь укромном уголке, – обратился он к администратору.

– И подальше от музыкантов, если можно, – вставила она.

Лев посмотрел на нее с любопытством:

– Вы не любите джаз?

– Люблю. Но я люблю слушать его, а не пытаться перекричать.

– Верно. – Он улыбнулся. – Пойдемте, кажется, нам что-то подыскали.

Ресторанчик ей понравился. Интерьер – стилизация под начало прошлого века: старые буфеты темного дерева, тяжелые бордовые портьеры, фотографии Чарли Чаплина и других кумиров того времени, даже книжные полки… Сима попыталась рассмотреть, настоящие там стоят тома или муляжи, но на глаз распознать не удалось.

Шустрая официантка, похожая на Лайзу Миннелли из фильма «Артур», принесла им меню и, откликнувшись на просьбу Потапова, посоветовала им не брать

куропаток, а вот семушку попробовать обязательно – прекрасный засол.

– Мне салат с телятиной и стакан светлого пива, – не боясь показаться неутонченной, попросила Сима.

В конце концов, не она затащила сюда Льва, не ей и очаровывать, переступая через саму себя. Если он решит, что она простовата для него, так ведь они действительно могут распрощаться после ужина, как собирались.

Но Потапов выслушал ее заказ без тени улыбки. Потом кивнул:

– Мне тоже пива, только большую кружку. И стейк из говядины. Порция не слишком маленькая? А-а, ну нормально.

«Это он меня так поддерживает или тоже не любит выпендриваться?» Сима удержалась, чтобы не улыбнуться ему, ведь Лев мог счесть это благодарностью, а ей этого не хотелось. Каждый сам по себе, никто никому ничем не обязан – вот единственно возможный уровень их отношений. Шаг в сторону от намеченной линии – и сразу обрушится целый ворох проблем. А у нее их с труппой хватает… С Ангелиной вон что-то непонятное творится…

– Хороший голос, – прислушавшись, сказал Лев. – Всегда завидовал людям, умеющим петь. Вы умеете?

– Уметь-то умею. Но не думаю, что мой вокал кому-то ласкает слух.

Он охотно рассмеялся:

– А вы не кокетливы, да? Ни в коем случае не хотите показаться лучше, чем есть…

– А какой в этом смысл? Другой от этого не станешь. И рано или поздно это проявится.

– Бывает, это проявляется так поздно, что уже ничего не исправить…

– Если вы имеете в виду брак, то существует процедура развода.

– Только не в том случае, если брак венчанный.

Сима непритворно ужаснулась:

– Так вы венчались со своей женой? И после этого вы предлагали мне задержаться в вашем номере? А ведь Бог наблюдает за вами особенно пристально…

– Уже нет! Я похоронил ее зимой. – Он улыбнулся с такой радостью, что у Симы мурашки по коже побежали.

Она пробормотала:

– Вы просто олицетворение скорби…

– А я и не говорил, что скорблю.

– Вы ее убили, что ли?!

– Ну что вы, – заметил Потапов без возмущения. – Она перебегала дорогу в неположенном месте и поскользнулась. Бог проложил перед ней ледяную дорожку.

Ей стало не по себе не только от этих слов, но главным образом от того, каким тоном Лев рассказывал о смерти жены. Он явно упивался нежданной свободой и не думал скрывать этого.

«Как я своих плебейских вкусов, – признала Сима. – Ну, люблю я пиво, что тут поделаешь?!»

– Не богохульствуйте, – все же призвала она.

– И не думаю! Я благодарен Господу просто бесконечно. К сожалению, люди зачастую создают такие отношения, из которых живыми не выпутаться. По крайней мере, один должен умереть.

– Но ваша Геля не убила своего отца…

– Потому что она еще ребенок. Он переложил вину на нее, а она и поверила. Привыкла верить папе…

– Геля была на самом деле?

Он помолчал, пристально вглядываясь в резной край бумажной салфетки. Потом поднял глаза, и Симе стало нехорошо от этого взгляда.

– Была. Только ее-то отец как раз умер. Упал поздно вечером с балкона восьмого этажа. Никто даже не заметил, как это случилось… Он был пьян.

– А… Это она его…

– Нет, – быстро ответил Лев. – Его никто не убивал. К сожалению. А надо было… Только гораздо раньше…

– Откуда вы знаете, что он упал сам?

В улыбке – ничего зловещего:

– Я все знаю. Я ведь автор.

– Но ведь это не вы придумали ее! Реальную, я имею в виду. О настоящей Геле вам откуда все известно? Это она была вашей женой?

Вот тут он изменился в лице:

– Да вы что?! Как вы могли подумать? Геля… Нет.

– Но вы ее хорошо знали?

– Наш заказ несут, – бесстрастно заметил он. – А вы цепкий режиссер… Хотите докопаться до самой сути? Фрейдом не увлекаетесь?

– Нет. Хотя во многом он был прав. Детство действительно никогда не оставляет нас в покое… Не знаю, хорошо это или плохо. Так реальная Геля…

Лев перебил ее:

– Лучше расскажите мне про ваших дочерей.

«Нокаут, – продохнув, признала Сима. – А он не даст загнать себя в угол… Так ударит в ответ, что живой бы остаться!»

– Спасибо, – машинально сказала она официантке, поставившей перед ней тарелку с салатом, и подняла стакан холодного пива. – Ну, за знакомство? Это просто потрясающе, что вы смогли к нам выбраться. Ребята счастливы!

– А вы счастливы?

От его испытующего и одновременно умоляющего взгляда исподлобья у нее сжалось сердце: «Какой он… Господи, ну почему ты создал меня такой маленькой и простенькой?! Такому мужику под стать… – У Симы мгновенно возник образ, который поразил ее: – Ангелина?»

– Безумно, – отозвалась она с иронией, чтобы он даже не заподозрил, что творится в ее мыслях.

Опустив глаза, Лев отпил из стеклянной кружки и неосторожно грохнул ею о стол. Сима посмотрела в его тарелку:

– Стейк с кровью? Разве вы это заказывали?

– Нет. Но, видимо, по мне заметно, что крови я не боюсь.

На секунду Сима перестала жевать:

– В каком смысле?

– Во всех. Раньше я работал хирургом.

– В самом деле? Вы были хорошим хирургом?

– Неплохим. Но мне показалось мало власти над человеческими телами, мне захотелось власти и над их душами!

– Вы осуждаете себя? Жалеете, что занялись литературой?

Он повторил:

– Занялись литературой… Занялись любовью… Словосочетание, обесценивающее сам процесс.

– Да и сам процесс уже не тот. Я говорю о любви, – поспешно уточнила Сима, испугавшись, что может обидеть профессионала.

Поморщившись, Лев процедил:

– Глупости. Любовь все та же, что и во времена Петрарки и Шекспира. Она ведь и тогда выпадала на долю одного из тысячи. И сейчас так же… Почему? Никто этого вам не объяснит. Почему мне так хочется пригладить твои торчащие волосы, всю тебя огладить ладонями, усмирить твою ненависть к себе самой?

У нее перехватило дыхание:

– Что вы сказали?

Не отводя взгляда, он продолжал говорить, совсем тихо, но Сима не пропустила ни одного слова:

– Почему еще на пороге вашего зрительного зала, когда я и не разглядел никого толком, у меня уже возникло ощущение, что здесь ждет меня что-то необыкновенное? Единственное. И сразу увидел тебя, вскочившую мне навстречу. Листы с придуманными мною словами уронила… Ключицы тоненькие торчат из-под майки. Волосы – перьями, как у девчонки. А глаза так и светятся… И в них – ожидание: окажусь ли я таким, как ты придумала? Я не такой, да?

– Такой, – ответила она, с трудом шевельнув губами.

* * *

Эта боль пробуждения, она совсем забыла ее. А сейчас не смогла сразу открыть глаза – нужно было привыкнуть к тому, как рвется и ноет в груди. Нужно было просто встать, избегая смотреть на него спящего, о чем сдуру мечталось накануне, когда Сима еще не понимала, что это будет не в радость, сердце остановится, если взглянуть. Нужно встать. Нужно.

Она сползла вбок, села на ковер возле кровати: «Ни дать ни взять – собака возле постели хозяина. Охраняю его сон. Так и сидела бы всю жизнь, а он пусть бы спал, только б не уходил никуда. Ни к кому другому». Осмелившись повернуть голову, взглянула на его лицо, и от нежности защемило сердце: неужели эти губы целовали ее с такой жадностью? Почему? Разве в ней есть то, за что могло ухватиться его сердце? Сима тут же запретила себе даже думать об этом. Сердце здесь вообще ни при чем. Она просто подвернулась ему, не пришлось искать другую, хотя бы и более подходящую. А наговорить писатель способен и не такого, последней дурой надо быть, чтобы поверить…

Стараясь не шуметь, она поднялась и на цыпочках прошла в ванную. Нужно было принять контрастный душ, чтобы поскорее прийти в себя, обрести обычное здравомыслие. Горячей водой растопить воцарившийся в душе холод уже вернувшегося ощущения одиночества. Ледяной – разогнать кровь, чтобы хватило сил выйти из этого номера и начать новый день. Обычный день, в котором ее свободе ничто не угрожает.

И она уже была почти готова к бою, когда шторка, отделявшая Симу от остального мира, отдернулась, и Лев, не спрашивая разрешения, шагнул к ней, отнял душ, прижался всем телом – именно так: он к ней, не ее прижал. И то, что это вышло у него так по-ребячески, будто он искал у нее защиты от собственного холода, мгновенно обессилило Симу, лишило даже желания сопротивляться и отстаивать невозможность каких бы то ни было отношений, кроме профессиональных.

– Почему ты такой?! – вырвалось у нее.

– Не уходи от меня, – попросил он.

– Ты сам уйдешь. Уедешь… Когда? Сегодня? Завтра?

– Не сегодня и не завтра. До премьеры я пробуду здесь точно, а потом… Как Бог даст.

– Ты опять надеешься на Его помощь?

Ей казалось невозможным говорить о Боге, говорить о чем бы то ни было в те минуты, когда они опять сливаются в одно, делясь радостью и болью. И Лев, наверное, почувствовал то же самое, не ответил ей.

«Неужели это происходит на самом деле? – медленно проплыло в ее мыслях. – Со мной происходит… Он такой красивый… Он такой…»

Она так обмякла в его руках, что Лев едва удержал. Прижал – вот теперь прижал ее сам! – немного покачал, как маленькую, поцеловал мокрые, слипшиеся сосульками волосы.

– Теперь уже не торчат…

– Думаешь, ты усмирил меня?

Ей не хотелось вырываться. Стоять бы так и стоять, чувствуя, как упавший душ омывает теплом ноги. Совсем не страшный мировой океан, и два человека, обнаружившие друг друга в пустоте. «Случайно столкнувшихся, чтобы разойтись каждый своею дорогой», – напомнила она себе. Нужно было повторять это постоянно, чтобы не дай бог не забыть, как мимолетно счастье.

– Думаю, тебе хорошо сейчас, – отозвался Лев.

С этим Сима спорить не стала. Возразить – значит обидеть так, что это уже не забудется. Не простится. Ей не хотелось, чтобы он увез в душе обиду. Пусть ему станет чуточку легче нести свое одиночество. А ей тащить свое…

– Мне хорошо. Ты самый добрый лев в мире.

– Отец два месяца не разговаривал с мамой за то, что она дала мне еще в роддоме такое имя, – усмехнулся он.

– В кого из них ты уродился таким красивым?

Не кокетничая, Лев признал:

– В маму. Отец, по-моему, всю жизнь мучился комплексом из-за этого. Ему никак не удавалось поверить, что она действительно любит его. Он просто с ума сходил.

Нарушить его молчание – брови сдвинуты, губы напряженно растянуты – Сима не решилась, ожидая, что он продолжит, и Лев добавил:

– Поэтому я и женился на красавице. Чтобы она не страдала.

– Но она страдала…

– Мы оба страдали. Давай не будем говорить об этом, а? Ни о моей жене, ни о страданиях. Их ведь больше не будет.

«О! Они только начинаются». – Сима улыбнулась его наивности. Или притворству? Может ли драматург не играть в жизни, если постоянно проделывает это в воображении?

– Давай не будем, – согласилась она. – Завтракать поедем ко мне?

– Мне не хочется есть по утрам. Может, просто выпьем где-нибудь кофе?

– Ты думаешь, эта вода унесла нас на берега Сены?

– А у вас нет кафе? – удивился Лев. – Серьезно?

Она рассмеялась:

– Есть, конечно! Я хотела проверить, попадешься ли ты?

– Я предложил бы поехать ко мне, но ведь до премьеры ты не вырвешься из своих Березняков.

– Я и после не вырвусь. – Сима одновременно закрутила оба крана и храбро посмотрела ему в глаза.

Впрочем, сказала она себе, если со стороны Льва все – сплошное притворство, нечего и опасаться обидеть его.

Взгляд отвел он, нервно облизнул мокрые губы.

– То есть ты… уже все решила для себя, да? Скоротечный роман с заезжим драматургом тебя вполне устраивает. Большего тебе не нужно.

– Мой ты дорогой! Можно подумать, что тебе нужно!

Ей хотелось, чтобы это прозвучало насмешливо, чуть хрипловато (так предполагалось характером ее роли), но явственно услышала, сколько в ее голосе унизительно-выпрашивающего: «Скажи: мне нужно!» Было даже странно, как это Лев не расслышал того же. Или опять сделал вид? Он ведь относился к интонациям с особенным трепетом, – очень много ремарок в его пьесе …

Потянувшись за полотенцем поверх ее плеча, Лев прервал движение и обнял ее.

– Не надо так, – попросил он. – Наверное, ты – талантливый режиссер, так о тебе, по крайней мере, пишут… Но не нужно и жизнь разбивать на отдельные сцены и акты. Не нужно постоянно говорить не то, что думаешь, а то, что соответствует придуманному тобой образу. Давай хотя бы наедине побудем самими собой, а? Когда придем к тебе в театр, опять превратимся в привереду-режиссера и модного драматурга…

– Не модного! – вырвавшись, перебила она, молча приняв все предыдущее. – Талантливого. Очень тонкого. Как ты можешь относиться к своему делу с иронией?

– Не к делу, а к себе в деле. Разве можно относиться иначе? Так еще и «звездную» болезнь подцепишь…

Завернувшись в полотенце и вышагнув из ванны, Сима строго заметила:

– Кстати, я вовсе не привереда.

– Серьезно?

– Почему ты все время так спрашиваешь? Серьезно? – передразнила она его интонацию. – Тебе не верится, что в жизни бывает что-то всерьез?

Пытаясь дотянуться до другого полотенца, Лев пробормотал смущенно:

– Я на самом деле часто повторяю это слово?

– Очень часто. Как ты можешь не есть с утра? У меня так, наоборот, уже сводит желудок от голода.

– С утра мне хочется работать. Пить кофе и писать. Это такое блаженство, жаль, что ты этого не представляешь.

Из ванной он так и вышел – обнаженный, босой, с полотенцем в руке, мокрые волосы неожиданно скрутились завитками. Греческий бог, возвращающийся из термов… Впервые рассмотрев его со спины, Сима решила, что человеку с таким телом нужно вообще запретить носить одежду. Он обязан дарить людям радость не только своим пером… Что она делает рядом с ним? Что он делает рядом с ней?

– Баловень судьбы, – тихо проговорила она, любуясь. – Наверняка единственный ребенок в семье.

Лев резко обернулся, и Сима вздрогнула, увидев его лицо – в него словно кипятком плеснули. Красный искаженный кусок мяса…

– Никогда не говори обо мне так, – быстро произнес он сквозь зубы. – Ты ничего не знаешь.

– Прости!

Она выкрикнула это быстрее, чем почувствовала себя виноватой. В чем? Ей действительно ничего не было известно о Льве, но разве это предосудительно? Пожалуй, он знает о ней больше: о ее дочерях, о бывшем муже, о том, почему она так ненавидит Америку…

Отвернувшись, спрятав свое неузнаваемое лицо, Лев пару минут смотрел на неубранную постель, но Сима не сомневалась, что мысли его сейчас не о ней. Вчерашнее упоминание Фрейда… Может, стоило развить эту тему? Теперь уже поздно, как-то неосторожно она задела обнаженный нерв. Сколько же ему лет, что он до сих пор так чувствует боль?

Об этом она решилась спросить. Лев оглянулся на нее с удивлением:

– А что? Тридцать семь. Пора умирать, если хочу остаться в истории литературы.

– А мне сорок два. Тоже подходящий срок.

Он улыбнулся:

– Предлагаешь вместе?

– Жить, – заключила Сима, потом сообразила, что это прозвучало двусмысленно. – Не жить вместе, а просто жить. Обоим.

В его улыбке опять проступило что-то просительное:

– А почему бы и не вместе?

– Ха-ха! – отозвалась она с издевкой.

– А ты – вредная…

– Ты еще не представляешь, насколько! Если мы сейчас же не отправимся завтракать, я начну есть тебя поедом. Одевайся немедленно! Хватит меня соблазнять.

По-собачьи склонив голову, он с интересом заметил:

– Как только ты выяснила, что я – младше, сразу начала командовать.

– Вообще-то не стоило еще раз делать на этом акцент… Пять лет разницы и так не сотрешь.

– Они тебя раздражают?

– Слегка. Может, со временем раздражение будет расти, я не знаю. Мой муж был старше меня.

Лев насмешливо подхватил:

– И мальчиков ты после него не покупала.

– Они сами приходили, – поддела Сима.

– Приходили? – Он надвинулся на нее – неподдельный гнев. – И много?

Она уперлась кулаками и лбом ему в грудь:

– А в чем дело? Ты ревнуешь?

– Ревную. Это ненормально?

Ей хотелось обернуть все шуткой, а у нее вдруг вырвалось:

– Этого не может быть! Ты такой…

– Глупая, – вздохнул он. – Ты ведь еще даже не знаешь, какой я…

* * *

Во время репетиции Сима поймала себя на том, что с каждой минутой все меньше воспринимает Льва как мужчину, с которым только что была – ближе некуда, и все чаще думает о нем как о создателе пьесы и волнуется, каким видится ему уже ее детище. Еще недоношенное, но уже сформировавшееся. Детали изменить еще можно, а в целом для Симы уже все сложилось – не исправить.

Она с тревогой поглядывала на его профиль – сели через проход, чтобы не отвлекаться друг на друга. Ей показалось, будто Потапов едва сдерживает улыбку, и это его незначительное усилие отозвалось в ней дрожью: «Ах, ему все это кажется смешным?! Провинциальная труппа, бездарная режиссура… Ну ладно!»

Что скрывалось за этой последней угрозой, Сима и сама еще не успела понять. В качестве наказания отлучить от постели? Это ей и в голову не пришло. Но что-то как-то…

Прозвучавшая со сцены реплика заставила ее очнуться – этой фразой пьеса заканчивалась. Они показали автору не весь спектакль целиком, отдельные сцены, но последнюю Сима включила, чтобы попытаться предугадать реакцию зрителей, для которых финал может стать неожиданностью: «Как, и уже ничего не изменить?!» Она снова скосила глаза на Льва, и никакой усмешки не заметила: он смотрел на сцену в каком-то оцепенении, будто и сам ждал продолжения, просветления, чего угодно, лишь бы эта история не обрывалась воплем, который даже не прозвучал.

«Ты сам это написал, – ей захотелось прижаться к его щеке лицом, послушать его дыхание. – Неужели ты забыл, чем все закончилось?»

– Спасибо, – выдавил он, затем кашлянул и повторил громче: – Спасибо вам. Я даже не ожидал, что это будет… так.

Сима с облегчением подхватила:

– Все молодцы! Лев, ваши замечания, пожалуйста.

Он мельком взглянул на нее:

– Замечания? Это не то чтобы замечания… Некоторые пожелания. Но мне хотелось бы высказать их каждому в отдельности. Это можно?

– Да, конечно, – отозвалась она разочарованно: ей хотелось послушать, что он будет говорить.

А следом признала, что Лев – лучший педагог, чем она, ведь и вправду нужно работать с каждым индивидуально, учить так, чтобы это не било по самолюбию ребенка, не заставляло его вертеться на сковородке стыда, который он неизбежно будет испытывать, если другие станут слушать. «Откуда в нем это? – подумала Сима с нежностью. – Еще один врожденный талант? Детей ведь у него нет…»

Ее вдруг так и прошило: а с чего она взяла, что их нет? Разве он что-нибудь говорил об этом? Он столько лет был женат, у них вполне могли родиться дети… Где они? С кем остались сейчас? Кто ждет его в Москве?

Это беспокойство, нахлынув, вытеснило тревогу о постановке, которой Сима жила уже полгода. И это поразило: «О чем я думаю? Он же сейчас будет критиковать мою работу!»

– Может, вы мне для начала скажете пару слов? – не удержалась она.

От волнения она прикусила нижнюю губу. Остальное – потом. На это еще будет время. По крайней мере, ей хотелось бы надеяться…

– Конечно. – Лев улыбнулся, заставив ее сердце дрогнуть.

Симе еще не удалось привыкнуть к этим его улыбкам. Каждый раз хотелось крикнуть: «Остановись, мгновенье!»

– Отдохните пока, – сказала она ребятам. – Только не уходите далеко. Автор хочет поговорить с каждым в отдельности.

– Ну, может, не с каждым, – тихо заметил он, пересев к ней поближе.

– Там видно будет. Все равно они мне еще понадобятся.

Ангелина требовательно спросила:

– Господин Потапов, а вы не могли бы поговорить со мной первой? Мне нужно уходить.

– Конечно, – опять согласился он. – Сейчас только скажу несколько слов вашему режиссеру.

Она хмыкнула и сбежала со сцены, пронеслась мимо них неудержимым ветром, обдав легким запахом духов, которых Сима не знала. Ей самой хорошие духи были не по карману.

«Аромат любви Вахтанга, – усмехнулась Сима вслед. – Лучше и не принюхиваться…»

Проводив артистов взглядом, Лев нашел ее руку, подержал в своей – горячей, потом поцеловал пальцы, смутив Симу, давно уже забывшую про маникюр.

– Спасибо тебе. Ты – потрясающая. Где ты отыскала таких ребят? Как научила их играть? Они же настоящие профессионалы, никакой любительщины не чувствуется!

– А у нас профессиональный театр! Хоть и юношеский. – Это всегда было ее больным местом.

– Да-да. Никакой наигранности не чувствуется… А ведь им всего-то лет по шестнадцать?

– Ангелине – восемнадцать. Наташе Лукьянцевой – четырнадцать.

– Ангелина твоя – это вообще что-то с чем-то… Ей нужно учиться, ты понимаешь? Она может стать большой актрисой.

Сима вздохнула:

– У нее Вахтанг.

– Что это значит?

– Она – содержанка, что тут непонятного? Живет у одного богатого мужика, о котором я только и знаю, что его зовут Вахтангом.

Лев прищурился, словно пытаясь рассмотреть:

– Так это ее «Мерседес» стоял у входа?

– Белый конь. Теперь такие кони и такие рыцари.

– Жалко девчонку, – не сразу отозвался он. – Эту гадость не так просто выдержать, как ей кажется. Ты заметила, как она дергается? Постоянно торопится. Не удивлюсь, если окажется, что она прибегает сюда тайком от него.

– Тайная страсть…

Внезапно он отбросил ее руку:

– Что в этом смешного? Ты даже не представляешь, чем все это может кончиться!

– Она сама сделала свой выбор, – прошипела Сима, уже начинавшая злиться оттого, что разговор, которого она так боялась, пошел совсем не в то русло. Ангелина, конечно, главная героиня, но не настолько же… Или…

Широко расставив колени, Лев уперся в них локтями и опустил голову.

– Литература не способна удержать от ошибок… Ты ведь говорила, что Ангелина еще раньше репетировала эту роль? Но Гелина беда ее не напугала.

– Вахтанг ее не насиловал.

– Это только так кажется.

– Она ушла к нему добровольно. Не так уж и плохо ей жилось дома… Не алкоголики же родители! Нормальная семья…

– Значит, было что-то…

Симе пришлось признаться:

– Бабка у нее – религиозная фанатичка. Но это, по-моему, не самое страшное.

– Чужое горе всегда кажется менее болезненным, чем собственный порез на пальце.

Она так и задохнулась:

– Ты называешь… То, чем я живу… Это – порез на пальце?!

Опомнившись, Лев снова схватил ее руку:

– Нет-нет! Это я не о тебе сейчас, что ты? Это… о человечестве вообще…

Задумавшись, он посмотрел на ее пальцы, и хотя Сима понимала, что Лев сделал это машинально и вовсе их не разглядывает, ей опять стало неловко за свои короткие, не покрытые лаком ногти. А он вдруг прижал их к губам:

– Тоненькие… Откуда в тебе столько силы?

Она попыталась улыбнуться:

– Бог дает.

– Бог… Да. Конечно. Он дал тебе большой талант.

У нее заколотилось сердце:

– Правда? Ты так считаешь?

– Мне хотелось бы, чтоб ты работала в Москве и твои спектакли видели сотни людей, а не двадцать человек, как в этом зале…

– Зал рассчитан на сто…

– …но я знаю, что там у тебя не будет своего театра. Ты сможешь устроиться только сменным режиссером. В лучшем случае.

Сима заставила себя солгать:

– Я и не собиралась в Москву.

– А чтобы создать в столице свой театр, пусть и небольшой, нужны огромные деньги. Спонсоры нужны.

– Вахтанга попросить? – усмехнулась она и вспомнила об Ангелине. – Давай обсудим это потом. Поговори с нашей Гелей, она там уже с ума сходит, наверное.

Он вдруг посмотрел на нее очень внимательно:

– Гелина судьба могла сложиться по-другому, как тебе кажется?

– Если б ее не изнасиловали? Тогда в ее жизни не было бы ничего интересного. Для театра, я имею в виду. Вся пьеса вырастает из поступка отца. Как это ни чудовищно звучит…

– Слава злодеям?

Неожиданный оскал мало походил на его обычную улыбку. Симе стало не по себе. Особенно, когда Лев добавил:

– Мы с тобой – стервятники. Слетаемся на запах беды и радуемся, что пролилась кровь.

– Ты говоришь об утрате Гелей невинности? Больше ничьей крови в твоей пьесе нет.

– Вот это и плохо…

Кажется, он произнес именно это. Или Симе почудилось? О чем это он?

– Что случилось с настоящей Гелей? Кем она приходилось тебе?

Его обычно живое, подвижное лицо разом превратилась в холодную маску:

– Этот персонаж не имеет прототипа, что ты выдумываешь?

– Но ведь ты говорил…

– Мало ли что я говорил!

– Ах, даже так! – Она вскочила, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить его. – Собственно, я это знала. Писателя несет, когда он имеет дело со словами. Поступков не дождешься! Зато слов – целый воз и маленькая тележка!

«Не кричать, не кричать! – попыталась она удержать себя. – Иначе он сразу догадается, как же мне больно…»

Будто разбуженный, Лев слушал ее, все больше становясь самим собой.

– Ты права, – наконец сказал он. – Мы подменяем словами все: поступки, которые никогда уже не совершим, саму жизнь…

– Это твоя работа, – испугавшись того, как легко он сдался, проговорила Сима умоляюще.

Он шмыгнул носом, как еще не до конца утешившийся ребенок, и она вдруг не удержалась – погладила его по голове. Это произошло впервые, и Лев вопросительно приподнял брови:

– Тебе жаль меня?

За секунду до его вопроса Сима и не думала о жалости, так – подавший голос материнский инстинкт удовлетворила. Такого красивого и талантливого – за что жалеть? У нее сжалось сердце: «Жаль его. Конечно же! Эти самые красота и талант вытесняют его из общего ряда. Но вот – куда? В одиночество? В холодную пустоту, где изредка встречаются такие же избранные и шарахаются друг от друга в страхе… Многие ли решаются просто погладить его по голове? Но ведь хочется же этого, хочется! И ему, и мне…»

Лев прижался лицом к ее летней майке, с шумом втянул запах и чуть слышно хрипло застонал. Наклонившись, она прошептала:

– Что ты? Что тебя мучает?

Он затих, потом отрывисто произнес:

– Я. Только я сам.

– И тебе не удается от этого избавиться?

– От чего – этого? От себя? Избавиться от себя можно только одним способом…

– Нет! – Сима прижала его голову так крепко, что, наверное, причинила ему боль.

Ей внезапно открылось: Лев не рисуется – он действительно обдумывал такую возможность освобождения. Почему? Что гнетет его настолько сильно – вдохнуть трудно? Она заговорила торопливо, не совсем уверенная в убедительности тех слов, что срывались сами собой, но продолжала забрасывать ими Льва, как осенними листьями, сохранившими в себе солнечное тепло – целыми ворохами.

– Тебе нужно писать обо всем, что тебя мучает, ты это умеешь. Еще как! Сбрось на бумагу все темное, не дающее тебе жить, и станет легче, вот увидишь! Это ведь известный прием, его даже психотерапевты используют: нарисовать свои страхи, написать о них…

Не пытаясь высвободиться, он спросил:

– Разве я что-то говорил о страхах? Нет никаких страхов.

– Но что-то есть! Я не собираюсь тебя пытать. Не хочешь говорить, не надо. Захочешь, я выслушаю. Постараюсь помочь, если смогу.

– Вряд ли… Как поможешь человеку, у которого вместо совести – трофическая язва?

– О боже. Это страшновато звучит!

– Но ведь ты ничего не боишься…

Сима взяла его лицо в ладони, отклонила его голову, посмотрела в глаза:

– Почему ты так решил? Что ты обо мне знаешь?

Он простодушно признался:

– Я читал твою страничку в Сети.

– Он читал мою страничку! – Ей стало смешно.

Легонько оттолкнув его, Сима присела на край сцены.

– Ты веришь всему, что плавает в Интернете?

– Почему – нет? Там лжи не больше, чем в обычном общении.

– Может, ты еще и друзей там завел?

Лев опять растерянно заморгал:

– Как ты догадалась?

– Бедный мой мальчик!

– Подростки. Девочки, мальчики… Мне хотелось получше узнать их сегодняшний мир, когда я начал эту пьесу…

– Ну и как? Сколько нашел отличий от нашего?

– Порядочно. Я обнаружил, что многие из них не умеют мечтать. У них очень реальные взгляды на жизнь, сложившаяся программа. Даже скучно…

Ей представились такие разные глаза Ангелины и Наташи Лукьянцевой. Последняя, может, и умеет мечтать…

– Тебе пора поговорить с моими ребятами, – спохватилась она. – Ангелине ведь убегать нужно…

– Ну ладно, – вздохнул Лев и энергично растер лицо, приводя себя в чувство. – Я готов.

«Не комкай его! – едва не вырвалось у Симы. – Нужно беречь такое лицо… Щеки раскраснелись, волосы взъерошились… Мальчишка. Почему же мне так жалко его, господи?!»

Быстро подойдя к двери, она крикнула, распахнув ее:

– Ребята, позовите нашу главную героиню. Автор хочет побеседовать с ней.

Отозвалась Наташа:

– Ангелина уже ушла. Она сказала, что больше не может ждать.

* * *

«Привет, Барон! Я знаю, что ты еще не скоро прочтешь это письмо, но мне просто не терпится рассказать тебе о том, что со мной произошло. Не поверишь, я стала артисткой настоящего театра! Это случилось так, как мечтается каждой

девчонке: режиссер остановил меня прямо на улице. Вернее, остановила, потому что режиссер у нас – женщина. Ничего такая тетка, немного смешная и придурковатая, но свое дело она знает. И все время придумывает что-то новенькое.

В общем, интересно, хотя роль у меня – с гулькин нос! А сначала она пригласила меня на главную роль, прикинь? Правда, тут же, как назло, вернулась артистка, которая должна была играть эту роль, но сбежала к какому-то грузину, который ненавидит театр. А может, не театр, а вообще все, что может отнять у него Ангелину. И его можно понять, потому что она такая красавица – челюсть отваливается, когда видишь. И играет она – просто супер, я так ни за что не смогла бы. Наверное, хорошо, что она вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lavryashina_yuliya/devochki-moi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити